

МОРСКОЙ
СПЕЦНАЗ

ГДЕ МЫ, ТАМ ПОБЕДА!

Сергей ЗВЕРЕВ

ОПЕРАЦИЯ «КАРИБСКАЯ РЫБАЛКА»

Морской спецназ

Сергей Зверев

Операция «Карибская рыбалка»

«Научная книга»

2005

Зверев С. И.

Операция «Карибская рыбалка» / С. И. Зверев — «Научная книга», 2005 — (Морской спецназ)

Старлей Серега Павлов по прозвищу Полундра, командир группы подводных пловцов, привык к любым передрягам. И где только ему не приходилось бывать! Вот сейчас его послали на Кубу. Вроде бы несложное задание – сопровождать российский сухогруз, увозящий с Острова свободы шпионское оборудование и ракеты. Но все оказалось серьезней. Американцам тоже понадобились эти ракеты – на судно проник диверсант, который посадил его на мель и заминировал. Да тут еще сухогруз захватили арабские террористы, бежавшие из кубинской тюрьмы «Гунтанамо». Словом, Павлову есть с кем воевать. Но на то он и Полундра – прославленный на весь флот ас спецназа...

© Зверев С. И., 2005

© Научная книга, 2005

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	25
Глава 8	29
Глава 9	36
Глава 10	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Сергей Зверев

Операция «Карибская рыбалка»

Глава 1

Кольский полуостров, российское Заполярье

Грязно-серые, набухшие от влаги тучи завесили небо. Их рваные в лохмотья края низко стелились над причалом, стоящими у стенки кораблями, над серыми продрогшими улочками военного городка, вызывая непреодолимое желание укрыться в единственном приличном на весь городок кафе и, заказав чего-нибудь горячительного, наблюдать за всем этим безобразием через окно. Это желание втрое усиливал пронизывающий ветер, забиравшийся во все щели, швырявший в лицо мелкий холодный дождь с примесью колючих снежинок, заставлявший даже привычных к подобным выходкам погоды северян зябко поправлять воротники одежды.

Но, несмотря на все неудобства, доставляемые стихией, на палубе стоявшего у стенки гидрографического судна кипела работа. Одетые в непромокаемые штормовки матросы выносили с корабля ящики, укладывали в стоявший рядом грузовик и спешили по скользким сходням назад. Руководил ими, отчаянно жестикулируя и раскатисто рыкая на замешкавшихся матросов, невысокий коренастый мичман.

– Егорыч! Скоро вы там? – окликнул его один из офицеров, стоявших на корме. – Домой пора уже! К женам, к детям!

– Скользко, как в бочке с мазутом, товарищ кавторанг! – бодро откликнулся мичман. – Не дай бог, эти лягушата поскользнутся, шеи ведь посворачивают!

– Ты мне, Егорыч, давай без травматизма, – нахмурился капитан второго ранга. – Из похода я вас целыми привел. Не хватало еще на разгрузке людей покалечить. – И, обращаясь к человеку богатырского сложения, стоящему рядом, добавил: – А ты, Сережа, хорошенько обдумай, что в рапорте о своем бойце писать будешь.

Сергей Павлов, старший лейтенант спецназа ВМФ, командир группы подводных пловцов, досадливо наморщил лоб.

– Ну, перенервничал парень, запсиховал. Воспитаем, командир! Или все-таки решил дать ход делу?

– А ты что предложишь? – Усталые, но цепкие глаза впились в Сергея. – А если он в следующий раз под водой такие выкрутасы творить начнет?

Беседу прервал звук ревуна, глухим эхом прокатившийся меж стоящих у стенки боевых кораблей Северного флота.

– Пошли, родимые, – командир корабля сквозь морозящий дождь пытался разглядеть неспешно выходящий на боевое дежурство атомный подводный крейсер. Старший лейтенант, погруженный в раздумья, глянул вслед уходящей в море подлодке и перевел взгляд на провожающих ее людей. Это были в основном женщины – жены, матери, сестры тех, кто сейчас стоял по местам внутри грозной черной громадины и готовился к погружению в холодные воды Баренцева моря. Несмотря на погоду, провожающие все еще стояли на берегу, не расходились. И будут стоять, пока лодка не выйдет из бухты и не скроется с глаз, – такая традиция. Ведь никто не может точно сказать, увидятся они еще раз со своими близкими или же уходящая в туманную даль лодка станет последним воспоминанием о героях-подводниках.

От грустных размышлений старшего лейтенанта Павлова, известного в определенных кругах ВМФ как Полундра, оторвал звонкий голос вестового:

– Товарищ капитан второго ранга, разрешите обратиться. Вам срочная телеграмма из штаба Северного флота.

– Вот тебе и раз... – недовольно крякнул офицер. Он не любил сюрпризов. И уже достаточно послужил на флоте, чтобы знать, что телеграммы от начальства, а тем более срочные, ничего хорошего нести не могут. А ведь он только-только собрался поставить свой корабль на плановый ремонт в сухой док и наконец-то отдохнуть с семьей по-человечески. Со скорбным выражением лица, на котором безо всяких усилий читалось, как далеко следовало пойти штабисту, приславшему эту бумажку, он взял ее из рук подрагивающего от холода матроса.

– Не жарко в шинельке-то? – глянул он на вестового, разворачивая телеграмму.

– Никак нет, товарищ кавторанг! – Стараясь бодриться, матрос улыбнулся синими от холода губами.

– Ну, беги уже отсюда, околеешь совсем!

Пробежав по бумаге глазами, командир корабля облегченно вздохнул и, спохватившись, смущенно улыбнулся Полундре:

– Ты уж прости, сокол. Приказано откомандировать тебя в Мурманск, в штаб флота.

Теперь настала очередь Сергея Павлова сурово сдвинуть брови. Больше мурманских адмиралов его пугала сцена объяснения с любимой женой. Она хоть и знает, что служба для него важнее всего, и не скажет ничего против, но на душе от этого не легче: ведь из похода вчера только вернулись. Да и чего скрывать, соскучился он по дому.

Командир участливо похлопал его по могучему плечу:

– И куда это, интересно, тебя выдергивают?

Полундра потер подбородок, представив образ своей любимой и мысленно прокрутив в голове все, чего он лишился благодаря этой треклятой телеграмме, сокрушенно вздохнул и, стиснув зубы, ответил:

– Может, рыбу ловить...

* * *

Каждый раз, входя в этот кабинет, Полундра чувствовал в нем что-то неуловимо не флотское, несмотря на Андреевский флаг на стене, на точную, до мельчайших деталей, уменьшенную копию субмарины на рабочем столе и даже на военно-морскую форму контр-адмирала, хозяина этого кабинета.

– Товарищ адмирал, старший лейтенант Павлов по вашему приказанию прибыл, – отчетливо сказал он.

– Вижу, что прибыл, – серые, слегка прищуренные глаза контр-адмирала Сорокина спокойно и деловито рассматривали Полундру и вызывали в нем ощущение, что их обладатель знает о нем гораздо больше, чем он сам о себе. – Проходи, присаживайся.

Сергей давно привык, что адмирал никогда не требовал от него доклада о флотских буднях, он сам прекрасно владел этой информацией. Такая уж у него работа. Однако вопросы, ставящие иногда в тупик, адмирал задавать умел.

– Что нового на корабле? Как здоровье старпома? – с невинной улыбкой спросил хозяин кабинета.

– До моего отъезда сюда капитан третьего ранга Беликов на здоровье не жаловался, – Полундра пожал плечами и перевел взгляд на портрет президента на стене. О том, что у старпома стало пошаливать сердце и он старательно избегал докторов, чтобы не списали раньше времени, он и сам узнал недавно.

– Как погода? Холодно уже становится, правда? Ночь полярная скоро.

– Здесь пока еще терпимо, товарищ адмирал. Только что из Карского моря вернулись, вот там похолоднее было.

Сергей заерзал на стуле. «Прямо светская беседа за чашечкой кофе получается. Не за этим же я сюда примчался сломя голову! Ну, давай уже, адмирал, колись, для чего я на этот раз понадобился», – подумал он. Но Сорокин не заставил его долго терзаться в догадках.

– Есть решение отправить тебя в теплые страны. Туда, где солнце греет круглый год, знойные девушки на пляжах и прочие атрибуты беззаботной южной жизни, – интригующе улыбнулся он и, раскрыв сейф, начал выкладывать на стол секретные документы и карты...

Глава 2

Куба, Гавана, площадь Хосе Марти

Солнце делало свою работу. На Кубе закончился сезон дождей, и теперь светило могло вволю потешиться, превращая площадь в подобие гигантской нагретой сковородки. Однако привычные к подобным вещам кубинцы мало обращали на это внимание – шел традиционный для Гаваны митинг с участием самого Фиделя Кастро Рус. Вся громадная площадь, названная в честь национального кубинского героя Марти Хосе Хулиана, основателя революционной кубинской партии, трагически погибшего в бою, была заполнена народом до отказа. Пройти через колышущееся разноцветное море людей было невозможно.

В расплавленном полуденном воздухе колыхался тысячеголосый рев толпы:

– Вива команданте Фидель!

Команданте в неизменном военном одеянии, в окружении верных соратников, несмотря на свой возраст, не утратил умения управлять толпой. Над головами собравшихся на традиционный митинг людей гремел усиливаемый динамиками голос вождя кубинской революции:

– ...Свободный кубинский народ никогда не будет стоять на коленях! Нас не сможет сломить ни давление обнаглевших от безнаказанности Штатов, ни предательство бывших друзей из-за океана...

– Вива Куба!

Удивительное дело, как Кастро удается до сих пор избежать печальной участи неугодных Штатам правителей?! Столько лет практически под носом у Америки своенравный диктатор всячески нарушает демократические принципы, столь трепетно оберегаемые всеми последними президентами Соединенных Штатов – «оплота мировой демократии», и по нынешний день остается у руля. Справедливости ради надо заметить, что существование Фиделя в этой ипостаси далеко не безоблачно: уже со счета сбились те, кто пытался фиксировать все неудачные покушения на его персону. А удачных, соответственно, еще не случилось. Конечно, в свое время не обошлось здесь и без вмешательства Советского Союза, охотно предоставившего, разумеется тайно, свои услуги по обеспечению сохранности жизни и здоровья лидера братского народа. Русские ребята из Девятого управления госбезопасности и сами принимали участие в охране и натаскивали местных спецов. И, надо признаться, натаскали неплохо, учитывая то, что и по сей день спецслужбы Острова свободы работают эффективно и среди специалистов считаются если не одними из лучших, то достаточно опытными и дееспособными. Вот только методы они, не стесняясь, позаимствовали энкавэдэшные, причем не самые гуманные. И потому все, что связано на Кубе с государственной безопасностью и представителями местных специальных подразделений по обеспечению ее, вызывает у простых граждан неподдельный страх. Но, как, наверное, считают кубинские генералы, игра стоит свеч.

Два ряда оцепления сдерживали разгоряченных речью и зачастую алкоголем людей, не давая протиснуться слишком близко к выступавшему. Как и всегда, рядом с трибуной образовалась отчаянная давка, создаваемая яркими фанатами кубинской революции и просто желающими поглазеть на живую легенду. Поближе к окраине площади густота заполнения ее народом несколько уменьшалась, уже давая возможность людям перемещаться в поисках лучшего места обзора. Молодежь, которой на митинге было немало, и здесь находила свои маленькие забавы. То там, то тут звучала музыка из охрипших, принесенных с собой магнитофонов, вокруг которых приплясывали одетые в цветастые рубахи парни и девушки в откровенных нарядах. Танцы и общение между собой не мешали им время от времени вместе со всей толпой оглашать площадь патриотическими речевками и призывами.

Представители правопорядка зорко следили за всеми, кто появлялся на митинге. Вооруженные люди в форме виднелись повсюду, прохаживались по окраинам, готовые в любой момент перехватить подозрительную личность и скрутить ее в бараний рог.

Хмурый, изнывающий от жары и лишнего веса «барбудос», охраняющий периметр площади, недовольно поглядывал в сторону троих гринго. Он уже привычно составил для себя их словесный портрет, включив туда и лысину коротышки, одетого в соответствии с погодой, и белесую бороду длиннущего европейца, и отсутствие особенных примет, кроме крайне крепкого телосложения и великолепно накачанных мышц, у третьего, темноволосого. Стоя чуть в стороне, они безо всякого энтузиазма наблюдали за происходящим на площади шоу. Вызывало подозрение то, что, переговариваясь между собой, троица не участвовала во всеобщем восторге. И если двое из них еще пытались вяло прислушиваться к бодрой речи Фиделя, то третьего, невысокого толстячка в пляжных бермудах, явно больше привлекали знойные кубинские девушки, в невероятном количестве кружившие неподалеку. Его голодный взгляд непрерывно скользил по пышным формам загорелых красавиц, одетых с тропическим минимализмом, а точнее – максимально раздетых. Девицы, стоявшие в нескольких метрах в составе одной из компаний молодежи, давно заметили внимание к своим персонам со стороны этого «мачо» с блестящей лысиной на макушке и с наигранным равнодушием поддразнивали его мужское начало, стараясь показать себя с наиболее соблазнительных ракурсов.

Несмотря на свой довольно развязный вид, толстячок занимал один из ключевых постов в российском посольстве на Кубе. Он был военно-морским атташе России, и звали его Виталий Иванович Збруйков. Неотрывно глядя на длинноногую креолку, стрельнувшую в его сторону влажным чувственным взглядом и наклонившуюся за якобы выроненной заколкой, доставив тем самым немало волнительных моментов его воображению, атташе извлек из широкого кармана своих штанов три толстые сигары. Курильщиком он был не заядлым, но любил щегольнуть, особенно перед дамами. Угостив стоявших рядом с ним, он натренированным движением скусил кончик сигары специальными щипчиками, вынутыми из другого кармана вместе с зажигалкой, и закурил.

– Послушай, Иваныч, – высокий блондин со шкиперской бородкой взял из рук толстячка кусачки. – А не получится так, что кубинцы будут молча наблюдать, пока мы погрузим эти штуковины ко мне в трюм, а потом просто не дадут разрешения на выход из порта? Им ведь раз плюнуть, поверь моему опыту.

Самый молодой из компании, черноволосый крепыш с военной выправкой, едва заметно напрягся и оглянулся по сторонам, ревностно выполняя свои обязанности. Он и еще десяток его морских пехотинцев должны были осуществлять охрану грузового судна «Максим Горький», о котором шла речь.

– Вот ты, Михаил, полжизни по океанам мотаешься, а до сих пор совершенно секретное оборудование штуковинами называешь. Не нервничай, побереги здоровье. Как говорил незабвенный герой гайдаевской комедии: «Нервные клетки не восстанавливаются!» Договоримся мы с властями и выпустим твой кораблик в синее море, никуда они от нас не денутся, – Збруйков говорил очень быстро, но абсолютно внятно, с едва уловимой снисходительностью в интонации.

– Тебе легко говорить, ты на аэроплан сел – и в Москве. А я на своем «Максимке» стоять буду в чужом порту и дожидаться решения сверху. Без денег. Смотри, Иваныч, бросишь меня здесь – продам, к чертовой бабушке, всю вашу сверхсекретную радиоэлектронику. Или обменяю на сигары.

– Кстати, я слышал, кубинские сигары катаются только вручную, – ловко перевел разговор на другую тему командир взвода морской пехоты капитан-лейтенант Алексей Сазапов. Он в совсем недавнем прошлом имел неприятнейший разговор с представителями службы режима и секретности и предпочитал как можно меньше связываться со всем, что носит гриф

«секретно» и выше. А особенно не прельщала его возможность общения на подобные темы посреди людной площади.

– Их негритянки на внутренней поверхности бедер скатывают! – оживился атташе. – Сам видел! От колена и... выше. Зрелище впечатляющее! Чувствуешь привкус женского тела?

Он наконец на секунду отвлекся, отвел взгляд от великолепной груди одной из кубинок, едва прикрытой полупрозрачной блузкой, и подмигнул Алексею.

– А что, волосинки в табаке попадают? – сочувственно справился у оторопевшего морпеха Михаил Михайлович Мишин, которого за глаза вся команда его судна уважительно называла Мишей в кубе, или просто Медведем. Алексей непроизвольно вынул изо рта дымящуюся сигару, но, услышав смех собеседников, снова зажал ее зубами. Поймали его старые волки, ничего не скажешь, один – ноль в их пользу.

Отсмеявшись, Виталий Иванович приподнялся на цыпочки, пытаясь разглядеть главу кубинского государства поверх колышущейся как море толпы. Не добившись особенного результата, он развернулся к собеседникам, ибо только так можно было думать о чем-нибудь другом, кроме женщин, постоянно бросающихся в глаза. Внезапно, видимо вспомнив о чем-то своем, огорченно ухмыльнулся:

– Сорок лет назад Хрущев обещал этим голодранцам коммунизм. Советский Союз в Кубу миллиарды вбухал – до сих пор не отдали. И уже не отдадут. А все ради того, чтобы американцам кукиш показывать... – не выдержав, он оглянулся на хорошенькую девушку, звонкий смех которой доносился даже сквозь шум толпы, и разом повеселел. – Теперь, когда с Кубы выводят нашу последнюю военную базу, придется им самим коммунизм строить... в отдельно взятой за жопу стране.

И снова, наплевав на приличия, беззастенчиво принялся наслаждаться прелестями женской красоты, благо ее вокруг была бездна.

– Ты и правда считаешь, что со стороны кубинцев возможно какое-то противодействие нам? – озадаченно спросил капитан грузового судна, которому не давала покоя перспектива надолго застрять в чужой стране.

– А ты сам подумай, кто и что с этого поймет. Современное оборудование слежения им бы не помешало. Америку слушать... – проронил атташе, но тут же осекся. Не хватало еще на самом деле секретную информацию разболтать.

– То-то и оно! Я почему и надоедаю тебе дурацкими вопросами. Непокойно у меня на душе, хоть ты тресни. Так что смотри, Иваныч, все вопросы с властями – на тебе. Нам главное – вывести сухогруз в нейтральные воды, – Медведь погладил свою бородку и посмотрел на командира морских пехотинцев. – Правильно я говорю?

– Я недавно с Москвой связывался. Обещают грамотного спеца прислать недели через две. Антдиверсанта высшей пробы, боевого пловца. Волнуются, мать их... за груз, – Збруйков, слегка подтолкнув ладонями в спины стоящих по сторонам от него капитана и морпеха, направился к припаркованным в отдалении автомобилям. – У нас еще есть время. И поработать, и отдохнуть.

И атташе снова ободряюще подмигнул молодому офицеру.

Глава 3

США, Форт-Мид, штаб-квартира Агентства национальной безопасности

Находясь в кабинете, было абсолютно невозможно определить, в разгаре ли полдень, или же ночная тьма окутала одно из четырех зданий операционного комплекса Форт-Мид. Под своды этого стеклянного куба не проникали внешние звуки, а конструкторы при строительстве постарались сделать так, чтобы даже радиоволны не могли пробить его стены, опутанные медной сеткой. Плотные жалюзи надежно скрывали все окна комнаты, едва слышно шуршал кондиционер. Все здесь было подчинено единственному требованию – не мешать работе мозга человека, сидящего за строгим офисным столом. На столе находился лишь необходимый минимум предметов, расположенных в идеальном порядке, что говорило о педантизме и аккуратности его хозяина. Откинувшись на высокую спинку удобного кресла, за этим столом расположился ухоженный мужчина с самоуверенным, надменным и жестким лицом. Его имя было более чем известно почти всем сотрудникам АНБ. Эдвард Ларнер – самый молодой из топ-руководителей агентства, технологический гений, великолепный аналитик, расчетливый стратег. В свои тридцать с небольшим лет он сделал головокружительную карьеру, не останавливаясь ни перед чем на пути к намеченной цели. Многие прочили ему место директора в недалеком будущем. Единственное, что могло ему помешать, – козни завистников. Однако мало кто решался в открытую вступать в конфронтацию с Ларнером. Ходили слухи, что он успел собрать крепкий компромат на большинство из своих коллег, да и у нынешнего директора он был в фаворе.

В кресле, предназначенном для посетителей, по-американски закинув ногу на ногу, сидел грузный мужчина в черном классическом костюме из дорогой ткани. Он был обладателем типичной латиноамериканской внешности. Полные, почти бронзового цвета щеки придавали его лицу несколько простоватый вид, а глубоко посаженные черные глаза взирали на окружающий мир с мрачным равнодушием. Но непримечательная внешность Диего Родригеса и кажущаяся неповоротливость были не более чем иллюзией; поддавшись ей, некоторые люди нажили себе крупные неприятности в пору его активной оперативной деятельности. Да и сейчас, на посту главы кубинского отдела ЦРУ, он был в неплохой спортивной форме и мог дать фору некоторым молодым оперативникам своей конторы.

Поправив изящным жестом стильные очки, Ларнер щелкнул клавиатурой своего компьютера и произнес:

– Во время своего последнего визита на Кубу русский президент пообещал убрать станцию электронного слежения ГРУ из Лурдеса, которая фильтровала эфир Флориды вдоль и поперек. А заодно убрать систему ПВО, которая прикрывала СЭС. Русские держат свое обещание. Шпионское оборудование и система ПВО демонтированы, в самое ближайшее время все это вывезут в Россию.

Шеф кубинского отдела перестал разглядывать многочисленные дипломы в аккуратных рамочках, висевшие на стене, и медленно перевел взгляд на говорящего.

– И я пожертвовал своим ужином только для того, чтобы услышать это?

– Фидель Кастро категорически против демонтажа русской станции, – не реагируя на реплику собеседника, бросил Ларнер.

– Почему?

– Во-первых, за аренду земли под станцию Куба получала от России нефть и технику. Во-вторых, Фиделю выгодно сравить Россию и США в Карибском бассейне. В этом регионе Куба – естественный и единственный союзник России. В случае эскалации напряженности Остров

свободы с готовностью предоставит российским военным свои услуги, хоть лагуну под базу подлодок и пальму под наблюдательный пункт... Не бесплатно, конечно! А до войны дело все равно не дойдет. Сейчас не шестьдесят второй год...

– Согласен, – кивнул Родригес. – К тому же, я думаю, кубинцы не прочь оставить себе пусть и устаревшую, но вполне эффективную систему прослушки.

Он слегка повернулся в кресле, наклонился вперед и обезоруживающе улыбнулся собеседнику. Это была тщательно отработанная под опекой психологов улыбка, располагающая собеседника к себе. Вряд ли шеф кубинского отдела ЦРУ рассчитывал таким образом улучшить отношения с представителем конкурирующей конторы, скорее это была вьевшаяся за годы оперативной работы привычка, которая очень помогала в общении даже с заведомо негативно настроенными людьми.

– Как я слышал, у вас имеются кое-какие соображения по поводу ситуации вокруг русской СЭС, – продолжил он.

Ларнер бросил на него взгляд поверх очков, в котором читалось дружелюбия не меньше, чем в улыбке Родригеса.

– Да. У меня есть некоторые идеи, как использовать сложившееся положение в пользу Соединенных Штатов. И именно поэтому ваше руководство направило вас сюда для разработки совместной программы контроля над ситуацией.

Родригес снова откинулся на спинку кресла и, сменив официально-любезный тон на незащитливый разговорный, изрек:

– Валяйте.

– Не будем жеманничать: нам всем выгоден срыв вывода русской базы, – технологический гений АНБ взял в правую руку карандаш и стал постукивать по столу в такт своей речи, выделяя ключевые слова. – Америке необходим внешний враг. Иначе она разжиреет от лени и безделья, внимание обывателей обратится на внутренние проблемы, рядовые американцы начнут искать врагов внутри государства. И тогда никто не сможет гарантировать ни стабильности, ни тем более процветания. Начнется хаос. Такое уже было в нашей истории.

– Интересная точка зрения, – Родригес заметно оживился. Доверительно подавшись корпусом в сторону сидящего за столом Ларнера, он оперся на подлокотник и подмигнул ему. – А вы не бойтесь, уважаемый, что я могу эти слова записать на пленку и прокрутить ее, к примеру, перед конгрессменами?

Тонкие губы хозяина кабинета скривились в усмешке.

– Нисколько не сомневаюсь, что вы способны и не на такое. Однако напомним: вы находитесь в моем личном кабинете. Открою один секрет: в проем двери, через которую сюда попадают посетители, вмонтирован сканер, работающий в разных режимах. Если бы во всех аэропортах были такие устройства, – не думаю, что кому-то вообще удалось бы угнать хоть один самолет.

Он самодовольно откинулся в кресле и уже с откровенной издевкой произнес:

– Это насколько же надо быть наивным, чтобы попытаться прослушать кабинет далеко не последнего человека в агентстве, занимающегося не только радиоперехватом и электронной разведкой, но и защитой правительственной информации. Bravo, Родригес! Вы меня рассмешили!

Мрачно-спокойные глаза «наивного» оперативника без всякого выражения смотрели на упивающегося своим превосходством Ларнера.

– Это была всего лишь безобидная шутка! Вот уж не думал, что в АНБ так плохо с юмором. Все же давайте ближе к делу. Разве у США мало внешних врагов?

Ларнер перестал улыбаться и продолжил тоном учителя, десятый раз пытающегося объяснить непонятливому ученику простейшую задачку:

– Сколько лет мы пытались установить свой контроль над Кубой? До сих пор полностью не снята экономическая блокада, бессменный вождь кубинской революции продолжает поливать грязью правительство Штатов. Теперь в очередной раз появилась возможность прижать зарвавшегося старикашку. И если мы ее упустим, мне лично будет крайне досадно. К тому же совсем неплохо иметь против Москвы козырь в виде обвинения в невыполнении международных обязательств. Русские слишком часто берут на себя роль миротворцев и пытаются ставить нам палки в колеса в Совете Безопасности ООН, – на его губах появилась хищная усмешка. – Хорошо же будут выглядеть миротворцы, оставляющие свое оружие террористам.

– То, что русские свернут свою базу, – дело уже решенное. И при всем своем желании Фидель не сможет уговорить их оставить аппаратуру. Не станет же Россия при своем нынешнем экономическом положении разбрасываться такими деньгами. А у Острова свободы нет средств, чтобы выкупить комплекс.

Агент ЦРУ ослабил узел на своем галстуке и с облегчением повертел массивной головой, разминая затекшую шею.

– И при чем здесь террористы? Я с вами полностью согласен: Кастро – последняя сволочь. Но я не слышал, чтобы он что-то взрывал.

В глазах технического гения АНБ мелькнули демонические огоньки.

– Исламисты... – многозначительно произнес он и сделал паузу.

В глазах Родригеса появилось неподдельное удивление.

– А исламисты-то тут при чем? Кубинцы – хотя и коммунисты, но при этом все равно остаются католиками, по крайней мере – большинство из них. Ну, в крайнем случае, «Регла де Оча», «Ла Сосьедад Секрета Абакуа» или другие верования африканского происхождения. Тем более что Фидель Кастро никогда не запрещал ходить в церковь даже членам компартии. А исламисты ненавидят всех христиан. Вы считаете, кто-то поверит?..

– «Враги моего врага – мои друзья», – нетерпеливо перебил его Ларнер. – Исламисты не любят Америку. Фидель тоже не любит Америку. Почему бы им не объединить усилия... хотя бы временно?

– Гуантанамо? Пленные террористы? Предлагаете их объединить? – догадался латиноамериканец.

– И предьявить это стратегическое объединение цивилизованному миру, – Ларнер, довольный произведенным эффектом, откинулся на спинку кресла.

– Разменной монетой станет российская СЭС?

– Вот именно.

Технологический гений щелкнул тумблером и развернулся в своем кресле назад. Стена за его спиной, подсвеченная включившимися лампами, оказалась гигантским аквариумом. На его дне угадывались очертания сильно уменьшенной копии затонувшего средневекового фрегата. Реагируя на потревоживший их свет, за стеклом заматались хищные силуэты крупных рыб. С нескрываемой гордостью и обожанием хозяин кабинета представил гостю своих любимцев:

– Океанские шуки – барракуды. Одни из опаснейших морских хищников.

Довольный возможностью похвастать своей любимой игрушкой, он назидательно продолжил:

– Когда им не хватает корма, они начинают пожирать друг друга. Когда у них слишком много корма – они тоже жрут друг друга. А кормом станет российский сухогруз с СЭС и системой ПВО, – он нажал еще одну кнопку, и в аквариум из специального люка выбросило кусок рыбы. Корм только начал оседать на дно, а к нему уже неслись гибкие удлинённые тела хищников. Самая проворная из барракуд с ходу сомкнула на куске тунца свою длинную пасть с выступающей вперед нижней челюстью и потащила добычу за собой. Оставшиеся ни с чем сородичи мгновенно кинулись в атаку, безуспешно пытаясь вырвать острыми крупными зубами свою долю.

Полюбовавшись на своих любимцев, Ларнер обернулся к Родригесу:

– Стало быть, оперативное руководство возложено на вас?

– А на вас, как я понял, – технологическое?

– Вот именно.

Шеф кубинского отдела хитро прищурился.

– Скажите откровенно, вас не смущает наше объединение? Как показывает жизнь, дружба между нашими конторами – такая же утопия, как и мир во всем мире.

– А кто говорит о дружбе? Мы всего лишь партнеры, и общая у нас только цель. Надеюсь, вы не станете отрицать, что будете пытаться использовать успех операции для увеличения финансирования своей конторы?

– Так же, как и вы.

– А кормушка у нас одна, – светлые глаза сотрудника национальной безопасности холодно смотрели на своего партнера-конкурента, – я имею в виду статью расходов национального бюджета.

Латиноамериканец легко поднялся из кресла, поправил галстук и многозначительно улыбнулся Ларнеру:

– Детали операции, я думаю, мы утрясем на месте. Было очень приятно увидеться. Я поболтал бы еще, но мне пора готовить основу предстоящего спектакля. Так сказать, раздавать роли главным его героям – моей агентуре на Кубе.

– Моя техника всегда готова к действию, – в тон ему ответил Ларнер. – Только одна просьба: мои возможности не безграничны, поэтому прошу останавливать своих суперагентов до того, как они окончательно загубят дело... Чтобы я успел за ними все исправить.

Родригес театрально рассмеялся.

– Что вы, не стоит беспокоиться! Мы справимся, – закончил он, но было ясно, что под этим подразумевалось – «обойдемся без вас». – Всего доброго, до встречи.

Когда за гостем плавно затворилась автоматическая дверь, Ларнер раздраженно оскалится и выругался:

– Скажите пожалуйста, какие мы самоуверенные! Сволочь цэрэушная, театрал – тоже мне... – и вполголоса добавил: – Еще увидим, кто из нас справится.

Его указательный палец до хруста вдавил кнопку громкой связи с личным секретарем.

– Мадлен, соедините меня с доктором Бэнксом из океанариума во Флориде. Срочно.

Глава 4

Россия, Москва, Шереметьево-2

Летать на самолетах, особенно гражданских, Сергею приходилось нечасто. Как истинный моряк, он, конечно, не признавал никакого другого вида транспорта, кроме морского. Но к авиации почему-то испытывал уважение. Нет, высота его не пугала. Просто, когда глядел в иллюминатор воздушного судна, на ум приходили странные, нехарактерные для обычной жизни мысли. Всегда думалось о вечности, о ничтожности человека по сравнению с природой. Почти такие же ощущения он испытывал в начале своего общения с морем и, может быть, потому никогда не спал во время полета, пытаясь снова и снова оживить в душе притупившиеся переживания юности.

Билет из мелованной бумаги уже лежал во внутреннем кармане его куртки, вложенный в паспорт, а в потертом кожаном кошельке хранился небольшой капитал в виде тоненькой пачки американских долларов. Не шиканешь особенно. Скромных по туристическим меркам денег должно было хватить на недельное пребывание за границей. Именно на пребывание. Но Сергея это не огорчало – понимал, что не на курорт едет. Больше его заботил вопрос о длительности этой поездки, ведь не дали и дома-то побыть толком.

Стоя в зале ожидания, немного в стороне от основной массы пассажиров, уже выстраивающихся в длинные очереди к терминалам, Павлов терпеливо выслушивал речи находившегося здесь же адмирала, на удивление неплохо смотревшегося в штатском.

– Эх, сейчас бы тоже махнуть на юг! – Сорокин мечтательно зажмурился, вынул руки из карманов своего серого плаща и заложил их за спину. – Завидую я тебе, Сергей! Солнце, море, белоснежные яхты... эх!

Павлов вяло улыбнулся шутке и переложил из руки в руку черную спортивную сумку. Темно-синие джинсы с эффектом потертости, клетчатая рубашка, коричневая кожаная куртка – в таком виде он несколько не походил на офицера спецназа ВМФ, да и не должен был походить. Для окружающих он – обычный турист, вырвавшийся из заевшей до чертиков повседневщины, жаждущий хоть ненадолго сменить дождливую московскую осень на вечное кубинское лето. На Острове свободы начинался самый разгар туристического сезона, поэтому легенду решили не усложнять. Хотя могли бы и дипломатические документы справить, чтобы досмотров разных избежать. Но тот, с кем согласовывалась оперативная часть этого мероприятия, видимо, посчитал, что так будет надежнее. Что ж, ему виднее. Честно говоря, Сергей очень не любил подобные превращения. Ну не представлял он себя Джеймсом Бондом, и все тут. Не его это ампула. Однако куда не денешься, приказ есть приказ.

– Значит, никак клинок мой с собой взять нельзя? – уже потеряв надежду, в очередной раз спросил он.

– Ну что ты как ребенок, в самом деле? – адмирал укоризненно глянул ему в глаза. – Думаешь, я не понимаю, что для тебя этот нож значит? Но, во-первых, внимание к себе привлечешь, а оно тебе ни к чему. А во-вторых, ну договорюсь я со здешней таможней, а за океаном его у тебя конфискуют – и дело с концом. Сам же не рад будешь. Поэтому послушай старика и не забивай себе голову.

Полундра сокрушенно вздохнул:

– Жене моей его передайте тогда... Если что... Для сына...

Сорокин вскинул на него суровый взгляд и железным голосом скомандовал:

– Отставить глупости, старший лейтенант! – и, уже смягчившись, добавил: – Сам приди и заберишь.

«Так я и думал», – констатировал про себя Сергей. А вслух спросил:

– Надеюсь, со снаряжением там проблем не будет? Не хотелось бы с булыжником против танков переть.

Сорокин понял его метафору и усмехнулся:

– Эка вы, молодежь, избаловались! С булыжником, говоришь... Хороший ты парень, потому открою тебе один секрет. Будут там аппараты подходящие. От техников гражданских остались, когда они кое-какую работенку для кубинцев выполняли. За деньги, разумеется, потому и снаряжение там не абы какое. Для тебя должно подойти, знающие люди сказали. Всю эту кухню я нашему диппредставительству поручил, пусть еще немного попотеют на благо родины.

Приятный женский голос откуда-то из-под высоких потолков здания перебил их беседу, объявив начало посадки на рейс до Гаваны. Шумная очередь из разномастных отдыхающих, бизнесменов и студентов двинулась к посадочным терминалам. Контр-адмирал придвинулся ближе к Сергею. Монотонный гул аэровокзала лишил возможности подслушать их разговор, если, конечно, не пользоваться специальной аппаратурой или нагло не влезать между говорящими.

– Итак, твоя задача – проконтролировать выход нашего сухогруза из территориальных вод Кубы в воды нейтральные.

На лице Сорокина появилась грустная улыбка, выражающая целую гамму чувств человека, провожающего родственника в неблизкое путешествие. Со стороны так это и выглядело, и Сергею было крайне интересно наблюдать, как не вязалось выражение лица адмирала с тем, что было слышно из его уст.

– ...Не забудь – блокада Кубы, объявленная США в 1961 году, до сих пор имеет юридическую силу, – хорошо поставленным голосом Сорокин проводил последний инструктаж перед отъездом.

– Но ведь по Морскому праву за все, происходящее в территориальных водах Кубы, отвечают кубинцы, – Павлов еще раз попытался понять логику начальства. – Да и лоцмана они наверняка дадут!

– Рядом – США, – контр-адмирал был невозмутим. – А что касается кубинцев – тут всякое возможно... как говорится, дружба дружбой, а табачок врозь. Тем более в последние годы и дружбы-то никакой не осталось. А тамошние ребята – народ ушлый, сами же их учили. Обуют при первой же возможности так, что мало не покажется. И потом, кубинцы в случае чего смогут валить все на янки, а те – на кубинцев. И концов не доищешься. Так что гляди в оба. Специалист ты грамотный, на провокации, надеюсь, не поддашься.

Увидев, что очередь подходит к концу, как и время, отведенное на посадку, моряки в штатском направились к девушке, проводившей паспортный контроль.

– А там – действуй по обстановке, – продолжал контр-адмирал. – В Гаване тебя встретит Виталий Иванович, наш атташе. Он будет руководить всем этим предприятием. Можешь всецело рассчитывать на него.

Сергей на ходу кивал, доставая из внутреннего кармана куртки заграничный паспорт, полученный два часа назад из рук своего провожатого. В очередной раз мысленно ухмыльнувшись шпионским тонкостям – по виду паспорт был в постоянном пользовании как минимум год, что вполне соответствовало дате его выдачи, – он передал для контроля свои документы и обернулся к Сорокину.

– Удачи тебе, – контр-адмирал крепко пожал ему руку. – Мы на тебя надеемся.

Миловидная девушка в форме лейтенанта с серьезным видом разглядывала правильность оформления бумаг. Павлов мысленно улыбнулся, он и сам толком не знал, каким образом появились на свет его документы, только был уверен на двести процентов, что они были даже более настоящими, чем у всех остальных пассажиров. Контора, вместе с которой контр-адми-

рал проворачивал это дело, в таких вещах промашек не давала. Разглядывая фото, девушка несколько раз бросила взгляд на его физиономию.

– Похож? – улыбнулся Сергей, стараясь держаться непринужденно.

– Все в порядке, – ответила с дежурной улыбкой красавица в погонах. – Проходите, пожалуйста.

Молча кивнув, Сергей легко подхватил сумку и направился вслед за остальными пассажирами. Пристроившись в конце нестройной шеренги, он бросил на транспортер свою сумку, которая скрылась в недрах рентгеновского аппарата. А вот перед рамкой с металлоискателем вышла заминка. Стоявший за пару человек до Павлова грузный мужчина в сером костюме классического покроя никак не мог пройти. Чуткий прибор постоянно отзывался на его попытки противным звоном. Красный, как вареный рак, он уже вывернул все карманы, снял ремень с массивной железной пряжкой, но все тщетно. Таможенники с бесстрастными лицами наблюдали за его действиями. Наконец, хлопнув себя по лбу, толстяк радостно подскочил к одному из них.

– Гвоздь, вспомнил, гвоздь! У меня ведь железяка в ноге после операции осталась! – завопил он, облегченно вытирая носовым платком пот, градом катившийся по лицу. Естественно, после этого признания у него оставалось два пути: или предъявить заверенную справку, или пройти через рентгеновскую установку. Были и менее приятные варианты, вроде личного досмотра либо отказа от посадки на борт авиалайнера. Поскольку справки не оказалось, незадачливый пассажир предпочел решить эту проблему наименее болезненным способом. Доза, получаемая при этой процедуре, десятикратно меньше, чем облучение, которому подвергаются пассажиры авиалайнера за несколько часов полета. Очередь снова двинулась, а вместе с ней и Павлов. Успешно миновав все положенные препятствия, он вышел к посадочному коридору.

На пути к самолету он поначалу думал о Сорокине, который, проводив его, отправился на Хорошевское шоссе в штаб ГРУ. Затем мысли его метнулись домой – к любимой жене и сынишке. Но, занимая свое место в салоне аэробуса, он уже ни о чем не думал. Стараясь прислушаться к собственным ощущениям, он не обращал внимания на происходящее вокруг: ни на недовольно ворчащего толстяка – соседа по креслам, ни на переговаривающихся между собой и бросающих на него оценивающие взгляды туристов, разместившихся напротив. Симпатичные стюардессы плавно порхали между рядами пассажиров, помогая им располагаться, прятать вещи в антресоли над головами, предлагая заранее снять верхнюю одежду. Поблагодарив милых девушек за участие, Сергей самостоятельно справился со всем этим и плюхнулся в кресло.

– Пожалуйста, переведите спинки ваших кресел в вертикальное положение и пристегните ремни, – певучий приятный голос стюардессы на миг вывел Сергея из задумчивости. Нащупав защелки ремня, он ловко соединил их между собой и еле слышно прошептал знаменитое гагаринское: «Поехали!»

Глава 5

Куба, Гавана, штаб управления военной разведки

Генерал Дивьез прикрыл глаза и прислушался к приятным ощущениям, исходившим от наполненного желудка. Великолепный завтрак удовлетворил его на все сто: маисовая каша, дополненная яичницей с беконом и парой внушительных гамбургеров, особенно удавшийся сегодня фруктовый пудинг и два куса отменного бисквита. И к черту всех докторов с их вечным нытьем об избыточном весе и гипертонии. Дивьез давно перестал обращать внимание на подобные рекомендации. Живет-то он один раз, больше ему такой возможности не представится. Поэтому со скрытым злорадством он старался получить максимальное удовлетворение от столь милого его сердцу, а точнее желудку, занятия. Немного смущали лишь собственные габариты, которые неумолимо росли, заставляя все чаще менять размер одежды. Да и привлекательности для противоположного пола от жировых отложений на теле не прибавлялось. Но генерал находился уже в том возрасте, когда огорчение от этого факта было куда меньше удовольствия, получаемого в процессе еды. Жаль только, что эта нега продлится недолго. Как он неоднократно убеждался, сытость покидала его тело с невероятной быстротой. И лучше закончить важные дела до того момента, как предстоящий обед займет все мыслительные процессы.

– Рамиро, что там творится у янки в Гуантанамо? – сосискообразные пальцы генерала кубинской военной разведки лениво щелкнули выключателем, и к мерному гудению кондиционера добавился шепелявый клекот настольного вентилятора. Невысокого роста, с абсолютно лысой головой, поблескивающей, словно черный лакированный шар для кегельбана, он сильно смахивал на бульдога. Сходство с последним усиливали мясистые губы, выступающая вперед нижняя челюсть и могучая когда-то шея, имеющая теперь многочисленные складки. Он сидел, вернее, полулежал в кресле за своим рабочим столом, зажав в углу рта черную, цвета своей кожи, сигару.

Услышав вопрос начальника, сидящий за более скромным столом у боковой стены оператор выпрямился и зашуршал бумагами. Его молодежовое горделивое лицо с бегающими глазами цвета коньяка выражало почтение, а тонкие латиноамериканские усики вкупе с идеально подогнанной формой придавали ему франтоватый вид.

– В последнее время в Гуантанамо наблюдается нездоровое оживление. По оперативным данным, вчера на американскую базу прибыли дополнительные силы морских пехотинцев, – Рамиро едва заметно поморщился от дыма, сдуваемого вентилятором в его направлении с генеральской сигары. – Усилено патрулирование катерами береговой охраны США, в заливе натянута сетка от проникновения боевых пловцов и мини-субмарин.

– Гринго опасаются боевых пловцов? – удивленно воскликнул генерал. Он на минуту перестал с задумчивым видом пускать к потолку кольца густого табачного дыма и поглядел на своего разработчика оперативных планов. – С какой стати?

– Скорее всего, проводятся очередные учения. Но вполне вероятно, что это может быть связано и с новой партией пленных террористов, захваченных в районе Басры, которых привезли сюда на этой неделе, – Рамиро пожал неожиданно крепкими для штабиста плечами. – Появилась информация, что бойцы группировки «Хамаз» поклялись освободить их во что бы то ни стало.

– Надо быть полными идиотами, чтобы попытаться освободить пленных с так тщательно охраняемой базы, – Дивьез раздраженно смахнул пепел, упавший с его сигары на отутюженные шорты. – И еще большими тупицами, чтобы этого бояться!

– Совсем не обязательно открыто нападать на базу, есть много других способов, – Суарес поправил тонкие щегольские усики. – К тому же, если вспомнить 11 сентября, террористам

удалось пробить все хваленые заслоны на пути к Нью-Йорку. А ведь там – лучшие силы береговой охраны, ПВО...

– Ну ладно. Тебе виднее, – добродушно ухмыльнулся генерал. – Ты же у нас специалист по такого рода делам. Не зря тебя русские учили.

Оператор натянуто улыбнулся генералу. Он не очень любил вспоминать свое прошлое, а особенно учебу в ВИЗРУ в Минске. Он тогда был слишком молод и неопытен, и жизнь в лице ревнивых курсантов неоднократно и жестоко била его за ошибки, преимущественно за общение с белорусскими девушками. Высокий симпатичный парень с бронзовым оттенком кожи и живыми страстными глазами, он пользовался успехом у прекрасной половины человечества. И, в общем-то, отвечал им взаимностью, несмотря на регулярные потасовки, обычно заканчивающиеся не в его пользу. Может быть, именно этот факт и заставил его заняться тренировкой тела и духа, в чем он достиг значительных успехов. Помогло это и впоследствии, во время его пребывания в спецшколе, но это совсем другая история... «Хотя девчонки стоили того!» – усмехнулся он нахлынувшим воспоминаниям. Он ни о чем не жалел. Учеба в Советском Союзе имела и свои плюсы: безупречное знание русского языка, отличное военное образование, возможность карьерного роста по возвращении на Кубу.

– Кстати, о ПВО, – прервал его размышления генерал. – Русские уже погрузили свои побрякушки?

– Если вы имеете в виду зенитно-ракетный комплекс, прикрывавший их станцию слежения, то – да. Они будут готовы к отплытию через день, максимум – два.

– За двадцать пять лет более тридцати тысяч наших ребят погибли в джунглях Анголы и Мозамбика, устраивая в Африке социализм по русскому образцу, – лицо генерала недовольно скривилось. – И все во исполнение союзнических обязательств... А теперь русские нас кидают. Где справедливость, я спрашиваю?

– Суки! – Рамиро ругался исключительно по-русски, еще один плюс обучения в Минске. – И зачем им эта СЭС? Все равно на металлолом спишут. Или генералы разворуют. Ведь всем ясно, что дешевле оставить ее нам, чем везти за тридевять земель!

– Штатам продались, – резюмировал генерал. Он загасил сигару и бросил окурок в пепельницу. – Я вот все думаю, а если их сухогруз будет выводить в территориальные воды наш лоцман? Коралловые рифы, отмели, изменчивое течение...

– У вас созрел какой-то план? – оживился Суарес, и глаза его забегали быстрее, чем обычно. – Еще продолжается процесс согласования этого вопроса, и, если нужно, мы можем настоять на том, чтобы русское судно выводил в нейтральные воды наш человек. После всех бюрократических проволочек, которые по нашей просьбе учиняет им МИД, русские должны согласиться на это.

– Если бы сухогруз напоролся на коралловый риф или сел на мель, да даже затонул на небольшой глубине... – Дивьез помедлил немного и задумчиво потер рукой подбородок. – По Морскому кодексу русские не имеют права вести подъемно-спасательные работы в наших территориальных водах. Повыступают и махнут рукой. А мы, когда все уляжется... Как ты считаешь, морская вода сильно повредит станцию и ракеты?

– Насколько мне известно, русские упаковали аппаратуру станции слежения в герметичные контейнеры. Поэтому все зависит от глубины и времени нахождения под водой. Коррозии могут подвергнуться только крупные металлические части, – задумавшись, оператор смотрел куда-то в угол комнаты, словно читая с невидимого экрана. – Восстановить их, по-моему, будет несложно. Надо поговорить с инженерами. Хуже с ракетными установками...

– Они не взорвутся?

– Дело в том, что сами ракеты будут перевозиться, скорее всего, в пеналах. Возможно, им ничего и не будет, но гарантировать это сложно, – Рамиро встал из-за стола и прошелся

по кабинету, скрестив руки на груди. – Транспортная упаковка не рассчитана на подобные условия.

– Наплевать! – резко перебил его генерал и схватился обеими руками за край стола. Его голос налился громовыми раскатами. Такое с ним случалось редко и говорило о крайней степени недовольства и гнева. – Даже если мы не сумеем заполучить ни ракеты, ни станцию – русские тоже ничего не получают! Они в любом случае должны оказаться в дураках! Это будет справедливое наказание за их предательство и жадность!

Оператор привычно вытянулся в струнку, уловив грозные интонации начальника. В таком состоянии генерал был способен, как говорили его сокурсники по училищу, рубануть саблей. И попадать под горячую руку совсем не стоило. Дождавшись, пока иссякнет поток ругательств в адрес коварных русских, он ловко ввернул:

– К тому же, кроме станции, на сухогрузе будет много чего другого – они ведь вывозят остатки своей базы. И если наш лоцман будет предан делу революции и Фиделю, им будет очень досадно все это терять.

Выпустив пар, Дивьез откинулся на спинку кресла. Его голос зазвучал устало:

– Вот-вот.

– А свалить все можно на гринго. Мол, враги разрядки, коварные империалисты, морская блокада Острова свободы, – Рамиро Суарес умело воспользовался возникшей паузой. – Еще и дипломатическую ноту предъявим!

– Сухогруз у них старый... Может затонуть где угодно. Хоть в Гаванском заливе, – генерал, все еще хмуро поводя бровями, тяжело поднялся с места. – Но надо подобрать более удобное место и обстоятельства. Организуй это.

Грузно ступая, он дошел до стоявшего рядом со столом сейфа и загремел ключами. Со стороны каждая попытка генерала воспользоваться своим сейфом казалась подвигом, но он никому не доверял этого занятия. Повозившись с замком, Дивьез извлек папку и вернулся в свое любимое кресло. На его стол веером легли несколько фотографий. Уже знакомые лица смотрели на подошедшего к столу Суареса со снимков: морской пехотинец капитан-лейтенант Сазапов, капитан российского сухогруза Мишин и военно-морской атташе Збруйков.

– Надо заняться этими... – генерал ткнул толстым пальцем в фото и жестом показал оператору, что он может идти и заниматься решением поставленных задач. – Но – аккуратно!

Суарес задержался, рассматривая фото. Прикинув что-то в уме, обратился к своему начальнику:

– Если позволите, заправляет всеми делами русских по этому вопросу вот этот, – его палец уперся в изображение атташе. – Основное внимание уделим ему. Остальные почти все время крутятся возле своего сухогруза, их трудно достать. Да они ничего и не решают.

– Не приставай ко мне с такими пустяками, Рамиро! Ты и сам прекрасно знаешь, что и как нужно делать.

– Они ждут какого-то специалиста из России, – оператор был настойчив. В его работе не было мелочей, и недопонимания он тоже старался не допускать. – Пока тот не появится – не отплывут.

Дивьез кивнул. На секунду задумался. Тон последовавшего затем распоряжения был предельно жестким:

– Сделай так, чтобы даже батальон их спецназовцев не смог помешать нашим планам. Русские не получают ничего!

Глава 6

Куба, военная база США «Гуантанамо»

Километры раскисших и непроходимых после сезона дождей болот, мангровые заросли по берегу, кайманы в мелких речушках с грязно-бурой водой – это лишь естественные препятствия на пути в военно-морскую базу «Гуантанамо». Ближайший населенный пункт – городок с одноименным названием – в десяти милях. Но добраться оттуда на базу практически невозможно, есть лишь пара грунтовых дорог, настолько разбитых, что проехать по ним можно только на вездеходах. А маленькие тропки, известные узкому кругу местных проводников, настолько опасны и непредсказуемы, что вряд ли здравомыслящий человек попытается ими воспользоваться. А ближе к самой базе начинается самое интересное. Несколько рядов колючей проволоки, заборы из металлической сетки с пропускаемым по ней электрическим током, простреливаемые коридоры, вышки с пулеметами – вот далеко не все из того, что ждет человека, пытающегося пробраться на базу «Гуантанамо», считающуюся территорией Соединенных Штатов Америки. Впрочем, все эти предосторожности одинаково направлены как против проникновения, так и против попыток выбраться оттуда. Такого рода мероприятия постоянно усиливаются и совершенствуются со времен операции «Буря в пустыне», когда часть базы стала использоваться для содержания пленных, захваченных во время боевых действий.

Поток врагов всего прогрессивного человечества не иссякает, их попытки освободиться – тоже. Все это стимулирует американских военных вкладывать все больше и больше денег в устройство инженерных заграждений. Теперь уже обыденностью стали видеокамеры наружного наблюдения по периметру ограждений базы. Не в новинку и детекторы движения, срабатывающие на вибрацию почвы, на пересечение лазерных лучей. Инфракрасными датчиками и акустическими устройствами, позволяющими обнаружить тепло человеческого тела и засечь звук сердцебиения на расстоянии до двухсот метров, уже тоже никого не удивишь. И если к этому добавить совсем банальные проволочные сети, из которых очень сложно выпутаться, заградительные минные поля вдоль заборов, постоянное патрулирование внутреннего периметра, секреты и дозоры снаружи – становится понятно, что совсем не простых преступников держат там американцы. И бежать оттуда – малоуспешное мероприятие, как и попытка штурма базы боевиками. Осторожные американцы позаботились и о возможности нападения с моря – здесь огневая мощь усилена в несколько раз, в заливе постоянно маячат катера береговой охраны, а под водой время от времени прогуливаются боевые пловцы, проверяя расставленные против собратьев по профессии сети и ловушки. Все эти уловки и хитрости обусловлены не столько реальной опасностью побега заключенных, сколько нагнетанием ситуации и умелым использованием военными общей террористической угрозы в мире. Не последнюю роль в этом играют и громадные средства, с избытком выделяемые на оборону. Попросту говоря, с жиру бесятся американцы. Последняя модернизация охранного комплекса, о которой и спрашивал генерал Диввез, – лишнее тому подтверждение.

Катер береговой охраны США, стандартно выкрашенный в белый цвет с красно-оранжевыми полосами, неспешно направлялся к выходу из залива, рассекая острым носом невысокую волну и оставляя за собой шлейф вспененной винтами морской воды. С борта катера было хорошо видно, как строители возятся с устройством новой полосы безопасности на побережье базы «Гуантанамо». За этим процессом без всякого увлечения, скорее из-за того, что смотреть было больше не на что, наблюдали двое мужчин, стоявшие на корме судна. Один из них, высокий, с тонкими хищными чертами лица, похоже, слишком давно не покидал своего кабинета. Его кожа, раньше белая, как лист бумаги, уже успела основательно обгореть под жарким тропическим солнцем. Эдвард Ларнер, досадливо морщась, изредка дотрагивался до обильно, но

запоздало смазанных кремом от загара плеч и носа. Уже розовая кожа, дышащая внутренним жаром, обещала завтра начать облезать пластами. Его собеседник, напротив, был загорелым до неприличия. Короткие волосы немолодого уже человека были высушенными и обесцвеченными соленой морской водой и солнцем. На добром лице с очень умными глазами было множество морщин от постоянной улыбки. Энтузиазм, с каким он говорил, выдавал в нем человека, любящего свою работу, которому повезло всю жизнь заниматься любимым делом:

– Эти создания умнее многих людей! Иногда мне кажется, что это не я изучаю их и обучаю различным вещам, а они, забавляясь со мной, позволяют это делать! По интеллекту дельфины гораздо ближе к нам, чем, допустим, обезьяны, которых многие склонны считать нашими предками.

– Лично я обезьян своими предками не считаю, – брезгливо повел обожженным носом Ларнер и мельком взглянул на бейдж на нагрудном кармане рассказчика. «Доктор Джозеф Бэнкс. Океанариум Майами-Бич», – гласил тот.

– Вы тоже противник этой теории?! – искренне обрадовался Бэнкс, не поняв иронии. – Ну, это же очевидно! Человек когда-то вышел из водной среды. И тому есть масса подтверждений! Человеческий эмбрион развивается в водной среде, роды женщин в воде – реальность, причем новорожденный прекрасно держится в воде и, как и детеныш дельфина, стремится всплыть, чтобы сделать свой первый вдох!

Доктор не ожидал встретить поддержку своих теорий в лице прагматичного технологического гения АНБ. Удивленный и растроганный, что весьма красноречиво отражалось на его лице, он сделал несколько шагов от лееров к большому бассейну, закрепленному здесь же, на корме. Навстречу ему из воды, наполнявшей этот резервуар, немедленно, подняв веер брызг, вынырнули две зубастые пасти, которые свистящим треском приветствовали подошедшего. Доктор Бэнкс запустил руки в контейнер, висящий на его поясе, извлек оттуда пару рыбешек.

– Поздоровайтесь, ребята! Хочу познакомить вас с Эдвардом Ларнером, умнейшим и обаятельнейшим человеком, – с этими словами он слегка подбросил рыбешек над бассейном. Описавпологую дугу, рыбки сверкнули на солнце серебристой чешуей. Наперехват им, вынырнув больше чем наполовину, грациозно метнулись два мощных веретенообразных тела. Солнечные блики скользнули по гладкой мокрой коже дельфинов. Словно красуясь, уже проглотив рыбок, животные на секунду застыли в вертикальном положении, опираясь на хвостовые плавники. Дав рассмотреть себя, они так же синхронно плюхнулись в воду.

Ларнер с удовлетворением поглядел на разыгранное специально для него водное шоу. Он любил нестандартный подход к делу и сейчас был страшно доволен тем, что его идея с дельфинами воплощается в жизнь. Не беда, что в АНБ нет таких агентов, как в ЦРУ или других конторах. Зато есть мозги и техническое оснащение.

– Посмотрите на этих красавцев! – Доктор, по-видимому, оседлал своего любимого конька. Уже весь мокрый, он погладил высунувших носы дельфинов по крутым лбам, успел поправить тент над бассейном и начал проверять работу насосов, не переставая увлеченно рассказывать о своих любимцах. – Их зовут Том и Джерри, как в мультике, помните? Не стоит пытаться их различать, это не так просто...

Насос, который он осматривал, постоянно подавал в бассейн забортную воду, пропуская ее через фильтр грубой очистки. Иначе дельфины рисковали погибнуть – небольшой объем воды на таком солнце нагрелся бы моментально.

– Невероятно смысленные ребята! Видели бы вы, на какие хитрости они пускаются, чтобы заполучить лакомство. Собаки и обезьяны не идут ни в какое сравнение. Мне иногда легче чему-то научить Тома, чем заставить что-либо сделать своего шалопая сына, – проконтролировав показания термометра, доктор продолжал: – А какие они ловкие! Вы знаете, что дельфины способны развивать скорость до двадцати пяти узлов? Я лично замерял: они могут выпрыгивать из воды на шестнадцать с половиной футов.

Ларнер понимающе кивал, не пытаясь, однако, последовать предложению Бэнкса и подойти поближе. Перспектива свалиться в бассейн его не устраивала. А брызги ему доставались и на таком расстоянии.

– Да, да! Они очень подвижные хищники, – доктор с нескрываемой гордостью расписывал достоинства своих питомцев. Возможность поговорить о любимом занятии выдавалась, видимо, не часто. И сейчас он полностью осознавал, что собеседник волей-неволей будет его слушать, а куда он, собственно, денется?

Ларнеру и правда деваться было некуда. Но он привык извлекать пользу из всего, чем приходилось заниматься. Улучив момент, когда Бэнкс сделал крохотную паузу, он вернул разговор в нужное ему русло:

– Как я понимаю, можно прикрепить к телу дельфина взрывчатку и радиосигналом отдать команду подплыть под вражеское судно?

Доктор грустно посмотрел ему в глаза.

– В принципе, для этого я и готовил эту пару. Вы же в курсе, что здесь, в Гуантанамо, у меня были плановые тренировки с ними. Да, они умеют доставлять мины к кораблям. Мне привезли их из Сан-Диего, из спецлаборатории. Там Тому и Джерри имплантировали в мозг специальные устройства. Кстати, ваша же последняя разработка. Я имею в виду АНБ.

– Об этом я знаю.

– Посредством радиопередатчика я могу управлять их действиями на расстоянии до двадцати восьми морских миль. Каждой моей команде соответствует отработанное и закрепленное условно-рефлекторное действие...

– А отслеживать их перемещения мы будем при помощи спутниковой системы позиционирования, – перебил его Ларнер. – Это все мне известно. Скажите-ка лучше вот что: сможет ли противник обнаружить дельфина, несущего на спине заряд?

– Противник? – совсем уже поникшим голосом переспросил доктор. – Так вы решились реально применить их? Это не учения?

– Вы не ответили на вопрос, – в голосе Ларнера послышались металлические нотки.

Доктор Бэнкс отвернулся к бассейну. Симпатия, которой он недавно проникся к руководителю операции, улетучилась без следа.

– Хм, понятно. Значит, это меня не касается, – в глухом голосе дельфинолога угадывались обида и разочарование. – Хорошо... Эхолоты их не определяют. Услышать могут гидроакустики, но это их не насторожит – здесь обитают и дикие дельфины.

– А боевые пловцы?..

– Если к носу дельфина прикрепить отравленную иглу – он сумеет победить хоть десяток спецназовцев! Том отлично умеет срывать акваланг. Джерри может захватить боевого пловца и утянуть его на дно. Мне даже не пришлось специально обучать его этому – на воле дельфины иногда так играют с ныряльщиками, если те оказываются слишком пугливыми или досаждают им в период спаривания... Боевой пловец, каким бы спецом он ни был, все равно создание сухопутное. А у дельфинов организмы иные... Вы слышали об использовании дельфинов на военно-морской базе «Камрань» во Вьетнаме?

– Очень мало.

– Я тогда только начинал работать с дельфинами. Наши питомцы патрулировали рейдовую стоянку кораблей ВМФ США. Десятков шесть вьетконговцев отправились к праотцам при попытке подобраться к нам.

– Отлично. Никогда не думал, что дельфины такие опасные животные.

– Не более опасные, чем человек, – доктор бросил тоскливый взгляд на резвящихся в воде «диверсантов». – Жаль их... Погибнуть могут. Они для меня как дети!

– Для обеспечения национальной безопасности ничего не жаль! – в голосе Ларнера опять звякнул металл.

Доктор вздохнул и сухо изрек:

– Не беспокойтесь, я знаю свои обязанности. Том и Джерри будут готовы по вашему первому требованию. Лучше всего к борту вражеского судна прикрепить радиомаяк, на который дельфин и будет ориентироваться.

– Об этом я позабочусь, – Ларнер подкинул на ладони черную плоскую коробочку, шероховатую на ощупь, с ярко-желтой полосой на единственной гладкой поверхности, обозначающей сторону прикрепления, и снисходительно поморщился. – Тут наш друг из ЦРУ о какой-то своей агентуре говорил...

Мелодично зазвучал телефон. Ларнер аккуратно поднес трубку к обгоревшему на солнце уху, внимательно выслушал. По мере получения информации лицо его приобретало все более и более довольное выражение. Улыбнувшись, он переспросил:

– Самолетом? И сколько их? Десять? Отлично... Пусть побегают...

Глава 7

Куба, Гаванский залив

Багровый закат завесил небо. Палубные надстройки отбрасывали все более длинные тени. Воздух словно оцепенел. Душный дневной зной никак не хотел уступать свое место ночной прохладе. Приносящий хоть какое-то облегчение ветерок словно устал за день и незаметно улегся вокруг плотным вечерним воздухом. Пахло морем, дизельным топливом, неопределенными и непривычными тропическими ароматами. На палубе сухогруза «Максим Горький» негромко разговаривали между собой свободные от вахты матросы и морские пехотинцы охраны. Вахтенный, опершись о леер, задумчиво разглядывал редкий портовый мусор, проплывающий мимо судна, вполуха слушая сидевших рядом и травящих байки моряков.

Внезапно до его слуха донесся тархтящий и чихающий звук лодочного мотора. Приглядевшись, в наступающих уже сумерках он увидел небольшую старенькую дюралевую лодчонку с таким же стареньким и еле дышащим мотором. На корме ее стоял чуть не лопающийся от гордости за свой катер щупленький мальчишка с черной как смоль кожей. На лодке виднелись слегка прикрытые брезентом деревянные лотки с бананами, кокосами и прочей снедью. Лицо вахтенного приняло недовольное выражение – мальчишка был одним из портовых торговцев. Зная их навязчивость – привяжутся хуже банного листа, – он приготовился сурово прикрикнуть на мальчонку. Но ловкий негритенок опередил его. Заглушив мотор, он пустил лодку скользить вдоль борта сухогруза, мгновенно сдернул брезент со своего товара и звонко затараторил на ломаном русском языке:

– Добрие сеньорес! Купи ананаса-банана-кокоса и морьепродьюкти, – мальчонка, необычайно довольный подхваченным где-то сложным словом, улыбался во весь рот, демонстрируя ярко-белые зубы. – Каму нада сигара, лючший сигара! Виски-текила-ром-джин-водка купи!

Заслышав звенящие в неподвижном вечернем воздухе призывы, к борту подошли несколько моряков. Мальчишка, увидев их, начал хватать с лотков фрукты и протягивать морякам, крича с удвоенной силой. При этом он так прыгал по своей лодке, что та едва не опрокидывалась. Негритенок отчаянно балансировал, ловил равновесие, но продолжал метаться, хватая и предлагая то одно, то другое.

– Совсьем почти недорого-дешева! Купи! Хочешь женщина – простытутка привьезу! Быстра-быстра, трес минутас! Очень карасивиа!

Моряки покатывались со смеху, слушая торговца. Пожилой мичман добродушно гаркнул, перекрывая смех товарищей:

– Чеши отсюда, головастик сушенный! Сам со своими девками кувьркайся!

Негритенок, подхватив два крупных кокоса, попытался подкинуть их вверх, неуклюже качнул лодку и, забавно дрыгнув ногами, шлепнулся в воду. Кокосы плюхнулись следом. Моряки зашлись хохотом. Вахтенный попытался разглядеть, куда делся мальчонка. Но в наступившем уже сумраке разглядеть темнокожего человека, одетого лишь в темные трусы, на фоне черной воды было невозможно.

Упав с лодки в сторону русского сухогруза, негритенок отчаянно заработал руками и ногами, стараясь нырнуть как можно глубже. Уперевшись руками в надвинувшийся на него борт корабля, он стал перебирать ладошками вдоль него, изо всех сил помогая себе ногами и борясь с собственной плавучестью. Забравшись уже достаточно глубоко, он выдернул из кармана трусов маленькую плоскую коробочку с желтой полоской. В слабеющем сумеречном свете, который уже не в силах был пробить водную толщу, конечно же, невозможно было разглядеть не только полоску, но и саму коробочку. Да только это нисколько не мешало сообразительному мальцу. Зря, что ли, он со всем присущим его возрасту любопытством еще на

берегу изучал интересную игрушку, извертев ее в пытливых руках. Разве что разобрать не решился – можно ведь и испортить! Зато теперь он великолепно помнил, что полоска была именно на гладкой стороне, и именно так и полагалось приложить эту штуковину к корабельному металлу. Коробочка плотно притянулась к борту сухогруза своей магнитной стенкой. Воздуха в легких почти не осталось. Малец ловко развернулся в воде, оттолкнулся ногами от корабля и, делая редкие гребки, стал всплывать.

Голова сорванца появилась рядом с лодкой. Вахтенный облегченно вздохнул и сурово рыкнул на торговца на ломаном испанском:

– Здесь находиться нельзя! Уходи отсюда быстро!

Негритенок испуганно вытаращился на него, белея в сгущающихся сумерках глазами яблоками. В два гребка подогнав щуплое тело к лодке, он виновато заулыбался, пытаясь смягчить сердце сердитого матроса.

– Дуй отсюда! Иначе буду стрелять! – для пущего страха добавил русский моряк.

Схватившись за кормовую доску своего катера цепкими руками, негритенок одним движением вскочил на него.

– Не надо стрелять, сеньор! Пожалуйста! Я ничего плохого не сделал! – жалобно захныкал он. Вода тонкими струйками стекала с его мокрой курчавой головы.

Засуетившись, он подогнал веслом упавшие в воду кокосы и ловко достал их. Тут же вскочил, бросился к мотору, на удивление быстро завел его и снова на русском закричал:

– Завтра приехать, добрые сеньорес! Грациес, спасибо!

Взревев стареньким двигателем, лодка рванула в сторону берега.

В грязных трущобах портового квартала негритенок ориентировался великолепно. Еще бы – он здесь родился и вырос. И если тетушка Эмилия вдруг перестанет заботиться о нем и давать такую же легкую, как сегодня, работу, в этом богом забытом месте ему предстоит прожить и всю оставшуюся жизнь. А не хотелось бы.

Нырнув в щель между двумя сколоченными из ящичков домами, он пролез мимо большой зловонной кучи мусора и оказался на более-менее широкой улочке. Огибая немногочисленных прохожих, сорванец припустил вдоль нее, не замечая острых кусочков золы, рассыпанной прямо по глинистой дороге. Из распахнутых окон домов доносились песни, крики и шум пьяных разгулов портовых грузчиков, такие привычные для уха местного жителя. Кто-то плеснул прямо на улицу воду из ведра, едва не окатив проносающегося мимо пацана, да еще и охаял его недобрым словом. Негритенок, не останавливаясь, ответил тем же, ничуть не обидевшись. А что, собственно, такого? Обычная жизнь...

Немного не добежав до угла, он остановился и перевел дыхание. Знакомых вокруг вроде бы не было видно. Это хорошо. Тетушка не будет снова ворчать на него и называть безголовым. Заложив руки в карманы еще не успевших высохнуть шорт и насвистывая песенку, он направился напрямик к стоявшей на углу жаровне. Грубой работы печь, сваренная из отслужившего свое корабельного железа, торчала прямо на улице под небольшим навесом и была такой же грязной и закопченной, как и возившаяся возле нее полная темнокожая женщина. Негритянка жарила тунца, запах которого, в отличие от вида стряпухи и ее жаровни, был очень аппетитным и привлекал не только проголодавшихся портовых рабочих, но и свору бродячих собак. В несколько рядов сидели лохматые попрошайки, ожидая подачи, изредка затевая между собой драки за лучшие места. Гонять их было так же бесполезно, как отмахиваться от назойливых мух, которых вокруг, на удивление, не было ни одной.

Рядом с жаровней были расставлены несколько деревянных столиков со скамейками, на которых сидели местные трудяги и потягивали алкоголь из замусоленных стаканов. Для большинства утомительная смена закончилась, и они откровенно расслаблялись, искренне считая

эту забегаловку самым лучшим местом для отдыха. А где еще можно было за такие гроши посидеть с кружечкой самопальной наливки и пообщаться с такими же понимающими людьми?

Неспешно подойдя к кухарке, мальчишка чуть помедлил, а затем почесал через плечо свою правую лопатку, глаза на почтенную кухарку. Как она объяснила ему вчера, так он должен был сделать, если дело выгорит. А если что пойдет не так, то он вообще должен был пройти мимо, ковыряя в носу. Так они с тетушкой Эмилией договорились. Можно подумать, он не понимал, что своих выдавать нельзя, даже если придется пожертвовать своей шкурой. Предателям ведь шкура ни к чему, все равно подпортят, не свои, так чужие.

– Буэнас ночас, сеньора! – слащаво затянул малец. – Не дадите ли вы мне маленький кусочек своей вкуснейшей рыбки?

Негритянка внимательно глянула на него и расплылась в улыбке.

– Конечно, дорогой! Как отказать замечательному парню в такой малости?

Схватив пальцами с посуды жирный кусок тунца, она завернула его в обрывок газеты и, незаметно приложив к нему небольшой рулончик американских долларов, перетянутых аптекарской резинкой, вручила мальчишке. Тот обеими руками принял сверток и, выкрикивая на ходу слова благодарности, помчался по портовым улочкам.

Попетляв немного и убедившись, как учила его тетушка, что за ним никто не увязался, он заскочил в свое излюбленное место – подвал старого заброшенного склада. Пыльные доски чуть поскрипывали под его почти невесомым телом. Очень удачное обстоятельство – наступи на них кто-нибудь чужой, и доски громко заскрипят да еще и проломиться могут. Тогда неожиданному гостю точно не позавидуешь. А он вовремя услышит недобрых людей и успеет смыться. В кромешной темноте, добравшись до своего тайника, негритенок разжег старенькую керосиновую лампу с треснувшим стеклом. Сейчас это можно было себе позволить – уж на керосин-то он сегодня заработал, это точно. Желтоватый неяркий свет отбросил резкие тени, озарив вполне уютный, по мальчишеским представлениям, уголок. Пара еще крепких деревянных ящиков, лежак из старого матраса и куча всяких полезных вещей, бережно собираемых и хранимых, составляли нехитрое убранство подвала. Свои любимые черные шорты, больше смахивавшие на трусы, сорванец тут же стянул, выкрутил и повесил сушиться. Он голышом уселся на ящик, застеленный тряпьем, разложил перед собой принесенный сверток, источающий аппетитный аромат, отломил сочное мясо тунца, стараясь не обронить ни крошки. Засунув в рот кусок рыбы, он достал рулончик с купюрами. Вот это была удача! Такие деньжищи, что аж руки жжет! Пересчитав и снова тщательно свернув деньги, сорванец откинулся на потрепанный старый матрас. От души чавкая, он счастливо улыбался. «Сто баксов! Не обманула тетка! Эх, почаще бы такую работу».

Проводив взглядом умчавшегося мальчика, стряпуха сняла с углей оставшегося тунца и оглядела свое заведение. Новых посетителей не было, старые уже расплатились и не спеша продолжали свои нехитрые житейские разговоры. Скинув пропитанный жиром фартук, она попросила соседку приглядеть за ее хозяйством и направилась в свое жилище, спугнув по пути бездомных собак, недовольно расступившихся, чтобы снова занять свои места, как только пройдет мимо эта беспокойная грузная женщина. Тетушка Эмилия зашла в дощатый домик за углом и плотно прикрыла за собой двери, неслышно задвинув защелку для пушей надежности. Не зажигая огня, она на ощупь добралась до старого шкафа. С грохотом полетел на пол случайно оказавшийся под ногами стул. Негритянка замерла, прислушиваясь. Постояв немного, она порылась в не первой свежести шифоньере и вынула оттуда небольшой продолговатый предмет, оказавшийся спутниковым телефоном. Повозившись немного с кнопками, толстуха приложила его к уху и стала дожидаться ответа. В трубке после непродолжительных гудков послышался хорошо знакомый ей голос. Негритянка оглянулась на окно и вполголоса сообщила:

– У нас все хорошо, сеньор! Здоровье матушки пошло на поправку, вашими молитвами! Заезжайте в гости, будем всегда рады!

– Спасибо, милая! Буду рад увидеть тебя снова. – Диего Родригес, глава кубинского отдела ЦРУ, удовлетворенно кивнул и нажал на кнопку «конец звонка».

Глава 8

Куба, Гаванский залив, борт российского сухогруза

В каюте капитана было светло и уютно. Современные шторы, пара вполне приличных кушеток и кресел, солидный ковер на полу, фотографии в аккуратных рамках на стенах – капитан Мишин не первый год ходил в дальние плавания и потому умел придать своему жилищу почти домашний вид. Нестандартные светильники дополняли стиль помещения, делая его совершенно не похожим ни на одно другое. И если бы не круглые глазницы иллюминаторов, вряд ли бы кто-то вообще посчитал, что это каюта.

Только что старпом доложил Мишину об окончании погрузочных работ. Все точно в соответствии с графиком. Кроме кучи металлолома и другого мусора, остатков материально-технического хозяйства российской базы, в трюмах «Максима Горького» были аккуратно упрятаны несколько десятков герметичных ящиков. В них специалисты тщательно упаковали части аппаратуры станции электронного слежения, демонтажом которой они занимались последние месяцы своего пребывания на Кубе. Задача была поставлена незамысловато – не просто развалить комплекс, прослушивавший радиоэфир всего Карибского бассейна, а сделать так, чтобы СЭС после транспортировки заработала как новая.

Железная утроба сухогруза поглотила также неизрасходованные боеприпасы и вооружение последней российской базы, от учебных мин и гранат, используемых во время полевых выходов, до вполне работоспособных боевых автоматов Калашникова с патронами. Тащить за океан подобные мелочи было совсем невыгодно, но раз пошла такая возня, кто-то наверху принял жесткое решение – забирать все, вплоть до самой распоследней табуретки. Тем более что под это дело был выделен целый сухогруз. Буквально понимать это указание, конечно, не стали – большую часть хлама бросили в месте своей прежней дислокации. Благо не из Европы уходили, где после себя оставлять даже зарытое в землю ржавое железо нельзя было. Миноискатели вражеские его быстро отыскивали и – «битте шен», извольте прибрать за собой до идеального порядочка. А на Острове свободы все, что осталось плохо лежать, было с превеликим удовольствием растаскано местными жителями, разумеется, после того, как там побывали облеченные властью.

При помощи талрепов моряки закрепили на палубе частично разобранные антенны, стационарные пусковые установки ПВО. Распластанным кактусом маячила станция управления зенитно-ракетным комплексом «С-200МС». В общем, хватало всякой всячины. Все это добро тщательно прикрыли маскировочными сетями, и сухогруз сразу из насквозь гражданского судна превратился в некое неуклюжее подобие военного корабля. Под пятнистой камуфлирующей сеткой, обшитой несчетными лоскутками материи, отдельно от всего остального аккуратно штабелем были сложены полтора десятка зенитных управляемых ракет «5Б72» в специальных транспортных пеналах. Еще тридцать две ракеты более ранней модификации моряки осторожненько опустили в отдельный трюм.

– Ну, ребята! Предупреди вы меня раньше – ни за что не согласился бы на такой груз! Двадцать четыре тонны динамита на борту! – Мишин широкими шагами ходил из угла в угол своей каюты и ошарашенно мотал бородой. – Это же рехнуться можно! Даже представить себе не могу, что от моего «Максимки» останется, если вдруг что!

– Ничего не останется, ни единого целого кусочка, – вполголоса, для себя самого, подтвердил этот факт командир отряда охраны.

– Да ладно, Михаил! Не динамита, а пороховых шашек твердотопливных двигателей. Я же не знал, что тебе так интересно, из чего сделаны ракеты. Спросил бы, я всегда готов ответить на любые твои вопросы! – военно-морской атташе сидел в одном из кресел и с улыбкой

курил неизменную сигару. – Не переживай ты так, ничего с ними не станется, не первый же раз перевозят их с места на место. Меня волнует другое: почему кубинцы тянут с нашим отплытием? Вот это вопрос так вопрос. Все бюрократические проволочки, которые мне известны, уже были использованы. То с таможенной декларацией что-то не так, то груз не соответствует кораблю, то корабль – грузу. Да ты не хуже меня обо всем представление имеешь. Я уже не знаю, что еще могут придумать эти тягомоты!

Находившиеся здесь же в каюте капитан-лейтенант Сазапов и старший лейтенант Павлов молча переглянулись. Как и полагалось младшим по званию, они пока не встречали в разговор и слушали начальство.

– Кубинцы выдвинули свое последнее, как они говорят, требование, – Збруйков закинул ногу на ногу и выпустил почти идеальное кольцо синеватого дыма.

– И что они хотят на этот раз?

– Ты не поверишь, Михалыч! – атташе снова отправил к потолку сизый бублик. – Они хотят, чтобы сухогруз из территориальных вод Кубы выводил их человек, местный лоцман.

– Это еще зачем? – удивился Мишин. – Пусть выведет из гавани, как положено, и идет на все четыре стороны.

– А кто их разберет, чего им надо? Говорят, хотим, да и точка! Мотивируют сложностью фарватера, опасностью и важностью груза. Главный аргумент – не хотят, чтобы в кубинских территориальных водах что-нибудь случилось, мол, отвечать-то им и неприятности расхлебывать – тоже.

Капитан остановился у иллюминатора и стал задумчиво смотреть вдаль.

– Не доверяют нам наш же корабль. Оригинально!

– Ну, не то чтобы не доверяют, – более дипломатично сформулировал Збруйков. – Скорее перестраховываются.

– Мозги они нам компостируют, а не перестраховываются.

– Так что? Ты не против, Михалыч? Мне намекнули, так сказать, в приватной беседе, что если мы согласимся, то причин задерживать выход «Горького» в море не будет.

– А вам не кажется, что кубинцы на самом деле что-то затевают? – подал голос командир морпехов. Эти недомолвки и постоянные препоны не давали ему покоя, как и остальным присутствующим. Что-то уж больно настойчиво кубинцы пытаются оставить у себя груз. Точно, глаз положили на чужое добро!

Капитан мрачно скрестил руки на груди. Внешне он был спокоен, но все понимали, какая буря клокочет у него в душе. Ведь решающее слово теперь за ним. Здесь, на судне, он – единственный начальник. А все остальные, кроме, разумеется, остававшегося на берегу Збруйкова, были частью его команды и должны уважать любое его решение. Иначе в море нельзя.

– Что бы они ни затевали, выхода у нас нет. Откажемся – сидеть нам тут до морковкина заговенья. Они ведь еще тысячу заковырок найдут, жабы изворотливые, – после некоторой паузы ответил Мишин и в сердцах добавил: – Чтоб им провалиться, р-рыбью холеру им в глотки!

– Вот и ладненько, – потер руки Збруйков. – Ты только не обижайся, Михалыч, я знал, что ты – человек опытный, не будешь понапрасну возражать против неизбежного. Поэтому заранее почти договорился с кубинцами. Их мастер проводки судов должен будет сразу прибыть. После моего звонка с согласием, разумеется.

Он обезоруживающе улыбнулся слегка оторопевшему капитану и обратился к Павлову:

– Остается распределить обязанности. Кстати, с прибытием тебя, Сергей. Мы уже заждались. На тебе основная задача: контролировать этого кубинского лоцмана, чтобы он не завел сухогруз куда-нибудь к чертовой бабушке. Ну и заодно обеспечивать подводную безопасность – так это, кажется, называется.

Словно стряхнув гору с плеч, атташе весело раздавал указания. Больше всего он опасался, что Мишин воспротивится тому, чтобы его судном командовал какой-то кубинец, и напроць откажется от такого решения вопроса. Но тот оказался благоразумным человеком и понял, к превеликому облегчению Збруйкова, что дешевле пойти на такую незначительную уступку, лишь бы поскорее закончилась эта эпопея. Поэтому атташе и воспрянул духом. Раскрыв скромно стоявший у его ног кожаный саквояж, он извлек оттуда тугой сверток, обернутый полиэтиленом.

– У меня для тебя кое-что есть, Сергей, – Виталий Иванович повертел в руках пакет и бросил его Полундре. – Сорокин сказал, что тебе это пригодится. Очень на это надеюсь. Примерь, должен быть впору. Не представляешь, скольких трудов мне стоило найти хороший гидрокостюмчик!

Сергей тут же распечатал пленку. Сверток пружинисто развернулся, представив взору Полундры слегка помятый новенький гидрокостюм.

– «Пикассо», – уважительно отозвался Павлов, исследуя подарок. – Мокрый, с открытой порой.

Сергей провел по гидрокостюму ладонью изнутри, с удивлением обнаружив вместо мягкой и липкой резины гладкую, словно отполированную поверхность.

– Ничего себе, да тут микрокерамическое покрытие, – Сергей восхищенно присвистнул и для всех пояснил: – Не нужно будет мыльным раствором смазывать, чтобы натянуть его на себя, и теплоизоляция у такого выше. Не перегреться бы!

– Я что, не угадал чего-то? – обеспокоенно спросил атташе. – Наверное, перестарался, как всегда.

– Да ну, что вы. Костюмчик шикарный! Спасибо, – Сергей порывисто встал и тряхнул руку Збруйкову. – Дорогуший, наверное?

– А вот об этом не беспокойся, все уже оформлено и списано, как полагается, – Виталий Иванович добродушно улыбнулся и обратился ко все еще стоявшему в задумчивой позе капитану: – Я думаю, мы можем отпустить Сергея исполнять свои привычные обязанности?

– Подводную часть сухогруза я уже осмотрел, – Полундра отложил пахнущий свежей резиной подарок, поднялся с диванчика и шагнул к Збруйкову. – Обнаружил вот это...

На широкой ладони боевого пловца черная плоская коробочка с желтой полоской казалась совсем крохотной.

– Что это? – Медведь отошел от окна, взял в руки загадочный предмет.

– Похоже на радиомаяк.

Атташе мельком глянул на коробочку и возмущенно прищелкнул языком:

– Так и есть. Значит, кубинцы будут за нами следить.

Мишин вернул коробочку Полундре, который автоматически спрятал ее в карман непривычных светлых шорт.

– Выкинуть ее к такой-то матери, – Медведь кивком указал на радиомаяк.

– Или перецепить ее на другой корабль, – подал идею Сазапов. – Пусть погоняются за какой-нибудь яхтой!

– Не нужно выдумывать, – назидательно произнес Збруйков. – Если мы дадим им понять, что нашли метку, это заставит их действовать осторожнее. И никто не знает, какие идеи могут еще прийти в их больные головы. Лучше пусть думают, что мы ничего об этом не знаем.

– Вам виднее, – пожал плечами капитан судна.

Полундре надоело подпирать головой потолок. Он отошел и присел на свое прежнее место.

– Штурман уже проложил курс? – поинтересовался Сергей.

Капитан указал рукой на карту, лежащую на столике.

– Идем через Флоридский пролив, вдоль северного тропика. Далее – Багамские острова и просторы Атлантики. А там уже и до дома рукой подать. И встретит нас доблестная эскадра Северного флота.

– А почему не другим маршрутом, груз-то везем нешуточный?

Находящиеся в каюте люди уже достаточно насмотрелись на карты. Им не требовалось подходить к столу, чтобы понять друг друга. Каждый из них уже держал в голове всю необходимую информацию, а что касалось Полундры, то в его мозгах разместились и большая часть рельефа морского дна.

– Мы думали об этом. Но именно ввиду исключительной важности груза мы решили не менять привычного курса. По крайней мере сильно. Придется, правда, идти немного в стороне от морского пути, чтобы не подвергать излишнему риску посторонние суда. Но это держится в секрете от кубинцев, – атташе положил недокуренную сигару в пепельницу в виде морской раковины. – Ты уж не обижайся на меня, Михаил, за то, что я вот так заранее на лоцмана согласился. Иначе нам с ними не договориться было, поверь мне, старому волку. Очень уж они обозлились на нас. Слюной прямо исходят, мечтая заполучить станцию, а мы ее, родимую, увозим, и им, что характерно, подарить никак не хотим. Вот такие мы жадины. Я думаю, один лоцман особых неприятностей нам не причинит, особенно если его будет контролировать опытный специалист.

Ждать кубинского проводника пришлось, вопреки обещаниям, довольно долго. Все уже порядком утомились, когда тот наконец появился на горизонте. Невысокого роста, коренастый потомок испанских поселенцев и американских индейцев был одет в легкие светлые хлопчатобумажные брюки и белоснежную рубашку с короткими рукавами. Крайне подвижный, с постоянно блестящей на лице улыбкой, он производил впечатление никогда не унывающего человека. Следом за ним по сходням на палубу поднялся, прихрамывая на левую ногу, болезненного вида мужичок. Он нес под мышкой объемный потрепанный кожаный саквояж, при этом всем было видно, что одно плечо его заметно ниже другого. Широкая неопрятная цветастая рубаха была явно на несколько размеров больше, но и под ней выделялась сутулая спина. Единственным, что несколько контрастировало с общей картиной, были чрезвычайно подвижные глаза коньячного цвета, которые немного не вязались с осунувшимся, серым и давно не бритым лицом. Похоже было, что раньше он пользовался успехом у женщин, но жизнь сильно потрепала его, превратив в этакую болезненную развалину.

Первым их встретил начальник охраны Алексей Сазапов. Ограничившись вопросом о наличии оружия и получив отрицательный ответ, он мельком глянул в документы и лично проводил гостей на капитанский мостик. Дождавшись, когда прибывшие войдут, атташе шагнул навстречу лоцману.

– Приветствую вас, любезный! Если я не ошибаюсь, Фернандо Гуэрильо?

– Он самый, собственной персоной! – лоцман говорил на русском языке практически без акцента. – Для меня большая честь управлять вашим кораблем, господин Мишин!

Пожав руку атташе, он направился к хмуро стоявшему капитану сухогруза.

– Надеюсь, сможем сработаться! – горячо тряся протянутую капитаном для приветствия руку, продолжал Фернандо. – Каждый из нас имеет свое начальство, а у него всегда есть свои прихоти!

– Прекрасно вас понимаю. Наслышан о вашем профессионализме, – любезностью на любезность ответил Мишин. – Верю, что наше сотрудничество окажется приятным.

Полундра стоял чуть в стороне и внимательно наблюдал за человеком, которого ему придется контролировать в ближайшее время. Кто он на самом деле? Не задумал ли чего? Надо держать ухо остро.

– Познакомьтесь, Фернандо, – Збруйков взял в свои руки бразды правления разговором. – Это наш специалист по навигации Сергей Павлов. Он будет помогать вам вести судно.

– А-а! Понимаю! – лоцман закивал, хитро улыбаясь. Мол, ясно, что это за специалист по навигации с мышцами покруче, чем у Шварценеггера. И чем он будет заниматься – тоже не секрет. Этот здоровяк с уставлыми глазами наверняка приставлен глядеть за гостем в оба, чтобы чего дурного с драгоценным корабликом не случилось. – Очень рад знакомству!

Полундра чуть качнул головой, не двигаясь с места.

Гуэрильо обернулся к тихо стоявшему у входа хромому человеку с саквояжем. На лице у того было написано искреннее желание понять незнакомый язык.

– Но у меня уже есть один незаменимый помощник, – он простодушно развел руками, призывая к сочувствию. – Без него я как без рук! Он ведает всеми бумагами и картами. Право слово, я уже и забыл, когда сам заполнял все эти бесконечные протоколы и отчеты! Сколько я ни работаю, он всегда рядом! Так что прошу любить и жаловать, моя тень и, можно сказать, второе «я» – Хуан.

Атташе прищурил глаз.

– Мне ничего о нем не говорили.

Помощник, молчаливо всматривавшийся до этого в лица говорящих, внезапно заговорил на испанском:

– Что-то не так, сеньор лоцман?

– Не беспокойся, Хуан! – по-испански ответил ему Гуэрильо и уже по-русски обратился к Збруйкову: – Я думаю, что это подразумевалось как само собой разумеющееся! Все знают, что мы с Хуаном – неразделимая команда! Повторюсь, я не работаю без него.

Атташе вопросительно посмотрел на присутствующих. Сазапов недоверчиво и неодобрительно следил за гостями. Мишин усмехался, уже ничему не удивляясь. Лишь Полундра продолжал невозмутимо созерцать происходящее. Похоже, решающее слово оставалось за ним. Как-никак именно он возглавлял все это суетливое мероприятие. Итак, кубинцы вконец обнаглели. Мало того что они навязывают совершенно излишние услуги своего лоцмана вне акватории порта, так еще вдобавок к нему посылают какого-то заморыша. Хорошо, что не отряд пионеров с барабанами! Упереться, что называется, рогом и послать всю эту братию подальше? Так еще придется неделю, а то и больше, обивать пороги.

– У меня нет слов, чтобы выразить свое восхищение работой наших дипломатических служб, – саркастично заметил атташе. – Если ни у кого нет больше никаких новостей, позвольте откланяться и пожелать вам счастливого пути.

– Алексей, проводи, пожалуйста, господина лоцмана и его помощника в их каюту, – попросил капитан.

Попрощавшись с атташе, лоцман в сопровождении морского пехотинца покинул мостик. Помощник Хуан, направившийся было за ними, неловко оступился, и из раскрывшегося саквояжа высыпался на пол целый ворох бумаг, который он тут же начал подбирать и запихивать обратно. Не обращая внимания на оставшегося на мостике кубинца, Збруйков обратился к Мишину и Полундре:

– В любом случае, пока не уйдете в нейтральные воды, оставайтесь на связи! Может случиться всякое. Радиомаяк пока оставьте – пусть следят себе на здоровье... – он тревожно вздохнул. – И никакой самостоятельности! Без моего приказа ничего не предпринимать!

Пожав на прощание руки морякам и пожелав им удачи, атташе сошел на берег и отправился в посольство. Тем временем на сухогрузе заканчивались последние приготовления к отплытию, предстояло согласовать с кубинскими пограничниками сопровождение, с руководством гаванского порта – очередность и время отплытия. И еще массу других не менее важных мероприятий, от которых зависело, выйдет ли сухогруз из порта или будет продолжать стоять на рейде.

Улучив момент, когда команда была так занята процессом отплытия, что напрочь забыла о его существовании, помощник лоцмана, которого тот называл Хуаном, удалился в галюн. Ковыляя по трапам, он старался как можно меньше привлекать внимание к своей персоне. И это ему удалось – моряки были слишком заняты своими делами. Даже охраняющие корабль морские пехотинцы втянулись в эту суету, всех одолевало радостное возбуждение начала пути к дому.

Добравшись до цели, Хуан тщательно запер за собой дверь и прислушался. Никаких звуков, выдававших присутствие поблизости людей, не было слышно. Выпрямившись, он с наслаждением потянулся, произвел пару скручивающих движений в позвоночнике. От сутулости не осталось и следа, как и от хромоты. Движения его были четкими и уверенными. Осмотрев защелку иллюминатора, Хуан довольно кивнул – она была открыта. Затаив дыхание, он надавил на стекло – не хотелось лишним скрипом привлечь любопытные уши и глаза, сейчас это было ни к чему. Но все обошлось, рачительно смазанные петли не издали ни звука.

Задрав рубаху, он извлек из подвязок своих штанов две пластиковые штуковины размером с зажигалку. Серые коробочки свободно уместились на его ладони, матово отсвечивая в предзакатных лучах солнца. В приоткрытый иллюминатор аккуратно свесилась тонкая полоска портативной антенны, в которую превратилась в умелых руках одна из штуковин. Вторая раскрылась наподобие телефона-раскладушки с малюсенькими кнопками, которых было в несколько раз больше, чем на обычном мобильнике. Миниатюрный передатчик послушно включился.

Секунду подумав, Хуан поудобнее перехватил свое чудо шпионской техники и прищурил левый глаз – все же экран был слишком мал, и даже с его отменным зрением приходилось напрягаться. Ловко справляясь с крошечной клавиатурой, он набрал лаконичное сообщение: «Маркусу: я – принят. Они обнаружили на судне радиомаяк. Выясни чей. Рон». Нажатием на клавишу он отправил текст. Передатчик заработал в импульсном режиме, посылая информацию в виде сжатого шифрованного сигнала, который практически невозможно запеленговать.

Теперь оставалось самое сложное в подобной работе – ждать. Ждать, пока генерал Дивьез получит послание, переварит его и ответит. Скоро время ужина, а это еще один немаловажный фактор, который нельзя не учитывать. Если мальчишка, принявший послание, успеет дожить до того момента, как мозги его патрона полностью переключатся на дымящиеся блюда, то можно считать, что им всем крупно повезло.

Потянулись напряженные секунды, складывающиеся в долгие минуты. Рамиро, он же помощник лоцмана Хуан, скрестил руки на груди и оперся о стену. Ждать... Уж чему-чему, а выдержке он мог бы научить любого, без нее он давно уже сидел бы где-нибудь в застенках, если бы вообще остался жив. Чтобы не терять даром время, он мысленно стал повторять курс, которым им предстояло идти.

Вот откуда-то издалека до его настороженного уха донеслось грохотание якорной цепи, и вслед за тем тело почувствовало легкое ускорение корпуса корабля. Сухогруз начал движение к выходу из залива. «Хуан уже должен быть возле своего босса!» – сам себе сделал замечание Рамиро, не отрывая глаз от миниатюрного дисплея. «Ну, давай же, толстяк, шевелись! – мысленно попытался он подогнать генерала. – Бросай свой хренов гамбургер и отвечай! Не век же тебя ждать, пышечка!» В приоткрытый иллюминатор доносились перекрикивания русских матросов на палубе, пару раз натужно рявкнул корабельный гудок.

Дольше оставаться на месте было опасно – в любой момент кто-нибудь из команды мог озадачиться его долгим отсутствием и начать подозревать в нечистых делах. А это могло сильно осложнить выполнение того, ради чего он, собственно, и затеял весь этот рискованный маскарад. Или же кто-либо из особенно наблюдательных морячков, а такие по закону подлости обязательно отыщутся, просто заметит свисающую из иллюминатора антенну.

Рамиро уже взялся за нее рукой, собираясь втянуть ее внутрь, но тут наконец микропроцессор устройства заработал и вывел на экран буквы. Прищурившись, кубинец разобрал ответ и произвольно ухмыльнулся: «Рону: понял. Нужно время. Пришли свои соображения. План в силе. Маркус».

Так он и думал, генерал уже отвык обходиться без его советов. «Соображения!» – мысленно передразнил он Дивьеза. Такая формулировка означало одно – думай сам! Нет, генерал, вне всякого сомнения, поставит на уши всю их контору, заставляя рыть землю в поисках возможных конкурентов. Но сколько на это уйдет времени и будет ли добытая информация такой уж важной – вопрос очень и очень спорный.

С бешеной скоростью свернув свою хитрую аппаратуру, он тщательно спрятал ее обратно в тайник штанов. Хватит дразнить фортуна, пора сматываться. Бесшумно притворив за собой дверь, Рамиро максимально быстро, насколько позволяли возникшие снова хромота и искривление позвоночника, заковылял к капитанскому мостику.

Морской пехотинец у входа в рубку кинул на него сосредоточенный взор, но этим дело и ограничилось. Рамиро, теперь уже снова Хуан, виновато пробормотал что-то себе под нос по-испански и прошмыгнул мимо. На мостике уже всю команду командовал Фернандо Гуэрильо. Он непрерывно улыбался, шурил глаза, переводя их с разложенной на штурманском столике и испещренной навигационными метками карты то на расстилавшуюся перед кораблем водную гладь, то на показания приборов. То и дело звучали четкие отрывистые команды.

Рядом с вахтенным матросом со скучающим видом стоял человек, крепостью и мощностью своего телосложения способный посоревноваться с древними атлантами. Рамиро без особого труда вычислил, едва появившись на борту, что это и есть тот самый специалист, которого, по оперативным данным, ждали русские.

«Серьезный конкурент, – подумал он, мельком еще раз оглядев тренированные мышцы Сергея. – Спокойный, уверенный. Стоит, расставив ноги шире обычного, – наверняка привык к качке. Моряк, хоть и в гражданку одет. Лицо слегка обветрено и совсем не загорело – либо он с севера, либо нечасто видит солнце. А может, и то и другое. И выражение глаз специфичное. Такой взгляд бывает только у того, кто во время работы не считается ни со своей, ни с чужой жизнью. Да и, рассуждая логично, простого человека в такую кашу не сунут. Еще какой должен быть спец, раз его вся команда дожидалась».

Заметив вошедшего помощника, лоцман радостно оглянулся.

– Как самочувствие, Хуан? Справился со своим несварением желудка?

– Спасибо, босс, – Хуан-Рамиро ответил вялой улыбкой. – Мне уже гораздо лучше. Могу я приступить к заполнению отчета?

– Валяй, помощник, – и, обращаясь к Полундре, спросил: – Ничего, что мы на испанском? Хуан не знает великого и могучего. У бедняги что-то с желудком приключилось, съел чего, наверное.

Полундра равнодушно пожал плечами. «Надо бы сюда человека, языками владеющего, приставить, – подумал он. – Да и помощничком этим Сазапову заняться стоит – пусть за ним пехотинцы походят, понаблюдают. Глазища-то так и бегают по сторонам. Не ровен час, стырит чего или за борт плюхнет, бедолага».

Словно нехотя, он подошел к лоцману и мельком бросил взгляд на показания эхолота. Все было в порядке, кубинец вел судно грамотно. Через пару миль сухогруз возьмет курс на Багамский архипелаг. Правда, идти придется ночью, но к самому сложному участку «Максим Горький» подойдет уже на рассвете. И, если лоцман попытается выкинуть какой-нибудь фокус, он – Полундра – всегда успеет этому помешать. Поэтому на горизонте, как говорит его командир, нет поводов для беспокойства.

Глава 9

Борт американского гидроплана между Кубой и Багамским архипелагом

Лопастей двух винтов, вращаемые могучими двигателями гидроплана, сливались в полупрозрачные, отблескивающие в закатном солнце диски. Земной поверхности уже не видно, и очень сложно избавиться от ощущения, что самолет просто висит в воздухе. Лишь то и дело встречающиеся воздушные ямы, заставляющие его слегка переваливаться с борта на борт, да размеренное гудение двигателей напоминали о том, что крылатая машина с приличной скоростью приближается к пункту своего назначения.

Летающая лодка береговой охраны, поднявшись из акватории военно-морской базы «Гуантанамо», направлялась в город-курорт Майами, штат Флорида. Но отнюдь не все пассажиры были этому рады. Десять человек в одинаковых ядовито-оранжевых комбинезонах расположились на полужестких сиденьях, тянувшихся вдоль бортов грузопассажирского отсека гидроплана. Присмотревшись, можно было заметить, что на запястьях и щиколотках каждого из них поблескивали металлические «браслеты», соединенные между собой тонкими, но прочными цепочками. Такие же изящные цепи приковывали каждого из них к скобам под сиденьями. На одежде отсутствовали какие-либо намеки на карманы или завязки, не было никаких металлических застежек или заклепок. Одинаковые для всех простая обувь и оранжевые кепки дополняли их весьма специфическое одеяние.

Пленники базы «Гуантанамо», перевозимые для заслушивания показаний в подкомиссии Государственного департамента США, сидели друг против друга, и каждый занимался чем-то своим. Кто дремал, кто смотрел в иллюминатор, пытаясь разглядеть очертания чужих земель под крылом. На угрюмых лицах застыли маски равнодушного ожидания чего-то недоброго и неизбежного. Понимали, что не на прогулку везут и не на отдых. На счету каждого из них имелся не один десяток загубленных жизней, не только тех, кто воевал с ними и пытался их остановить, но и совершенно ни в чем не повинных людей, просто оказавшихся не в том месте и не в то время. Но вряд ли кто жалел о чем-то совершенном. Жалели об утраченной свободе и о невозможности продолжать свое гнусное дело, но не о своих преступлениях.

На ближнем ко входу в кабину пилотов месте, рядом с полусонными морскими пехотинцами охраны, расположился один из полевых командиров иракских партизан. Родители – обыкновенные иракские арабы, даже не подозревавшие, кем станет их ребенок, назвали его в честь великого пророка Мохаммеда. Отец был военным, и поэтому с младых ногтей его сынишка лучшей игрушкой считал пистолет, а когда подросток – автомат стал его лучшим другом. Но не пошел сын по стопам отца.

Отслужив в армии, как и многие другие крепкие иракские парни, он попробовал найти работу, которая бы удовлетворяла его потребности в деньгах и не сильно обременяла. Но в тяжелых экономических условиях сделать это было непросто, особенно если учитывать величину его потребностей. И Мохаммед, отличный стрелок и спортсмен, выбрал нелегкую стезю бандита, примкнув к одной из многочисленных группировок. Потом была война в Персидском заливе, операция «Буря в пустыне», во время которой он сообразил, что все его прошлые грехи легко списать, если вдруг стать праведником и объявить, что все, чем он и его сообщники занимались, происходило во имя борьбы с неверными.

Патриотические и религиозные лозунги хорошо помогали стяжать сочувствие и неплохие деньги. А когда сами собой наладились связи с международными террористическими организациями, денежный поток и вовсе стал неплохим и вполне соответствовал давним мечтам.

Правда, и работать приходилось больше, и работа эта была намного кровавее и жестче, чем все, что было до этого.

Но познавшего вкус больших прибылей и очерстевшего душой Мохаммеда это уже не смущало. За свой беспощадный нрав и животную осторожность братья по оружию и вере называли его Черный Тигр, именно под таким именем он был записан и в списки заключенных американской военной базы.

Тигр заметно выделялся среди всех пассажиров гидроплана отрешенным фанатичным взглядом, в котором читалась звериная сила и такая же звериная жестокость по отношению к врагам. Остекленевшие глаза в течение всего пути смотрели в одну точку, презрительно искривленные губы едва заметно шевелились. Непонятно было, молится ли он или, вспоминая унижительное для него пленение, проклинает американцев. Пальцы, привыкшие с детства держать оружие, ловко, но неторопливо перебирали бусины четок, сделанных из черного дерева.

Ему пришлось сильно постараться, чтобы сохранить эту вещицу у себя. После нескольких дней отказа от пищи и почти поднятого под его руководством тюремного бунта легкие деревянные четки были признаны неопасным религиозным атрибутом и возвращены ему.

Некоторые из перевозимых вместе с ним людей воевали в его отряде. Под его руководством устраивал взрывы в Тикрите и Мосуле сидящий напротив пожилой араб с морщинистым и обветренным лицом. Двое молодых братьев, озерных арабов – маданов, непонятно по каким причинам примкнувшие к его банде и с увлечением уничтожавшие американских солдат, сидели теперь порознь в этом же самолете. О других попутчиках Мохаммед тоже успел кое-что узнать за время недолгого пребывания в американском плену.

И они наверняка слышали о нем, судя по уважительным взглядам. Трое из них – бывшие солдаты иракской армии, которая после вторжения США в Ирак в 2003 году бесследно растворилась, повергнув антииракскую коалицию в недоумение. Самый рослый и крупный из перевозимых преступников был схвачен в Басре – пытался взорвать мост. При попытке остановить его зарезал двух английских морских пехотинцев, отобрал их оружие и долго отстреливался, пока не был контужен. Двое оставшихся – афганские талибы. Попали в руки американцев во время контртеррористической операции в Афганистане. В общем, народ бывалый, стреляный.

С таким отрядом можно было бы натворить немало бед, но сейчас об этом нечего было и думать. Мохаммед не смотрел на них, спокойно продолжая перебирать четки – на все воля Аллаха. Боковым зрением он обозревал борющегося со сном афроамериканца в форме сержанта морской пехоты США, сидевшего спиной вперед у входа в кабину пилотов. Рядом с ним с другой стороны от входа, зажав меж ног автоматическую винтовку, со скучающим видом разглядывал свои бледные ногти второй охранник.

«Негр и белый... Холеные... С новенькими винтовками, – в голове полевого командира текли ленивые мысли. – А чего вы стоите без оружия?»

Подтянутый, накачанный морпех США Джейкоб Рассел перестал вяло заниматься своими ногтями и посмотрел на часы. Зевота разом куда-то испарилась. Утвердительно кивнув сам себе, он подхватил знаменитую винтовку «М-16» и встал со своего места. Второй охранник только повел в его сторону полуприкрытыми веками, нимало его телодвижениями не заинтересовавшись. Держа оружие одной рукой, Рассел поправил на себе камуфлированную форму и жестом показал своему напарнику, что идет к летчикам. Придавленный накачивающими волнами дремоты сержант-негр перевел на него осовевшие глаза и так же жестом ответил. Хлопнув полусонного товарища по плечу, морпех, пригнувшись, скрылся в проеме двери.

Дождавшись, пока за Расселом закроется дверь, сержант тряхнул коротко стриженной головой, мгновенно согнав остатки сна. Приставив автомат к переборке, он шагнул к отрешенно сидящему Мохаммеду и горячо зашептал ему на ухо:

– Я сам мусульманин. Не могу больше смотреть, как мучаются братья по вере!

Сержант напряженно вгляделся в лицо пленника. Выражение его оставалось таким же презрительно-равнодушным.

– Клянусь Аллахом, я знаю, как вам помочь! – афроамериканец торопливо достал из кармана связку ключей. – Нас здесь всего двое – я и этот белый недоносок. Пилоты заняты, они не окажут сопротивления. Это единственный шанс. В Майами ждут толпы автоматчиков – там уже не сбежишь.

– Отстегни наручники, – по-прежнему ни на кого не глядя, сквозь зубы процедил Мохаммед.

– Аллах велик! – Охранник суетливо начал возиться с ключами. – Когда вернется неверный – ударь меня, чтобы все было... Ну, ты понимаешь. У меня семья, дети – не хочу загреметь в тюрьму, когда все закончится.

– Не загремишь, – Черный Тигр недобро глянул на морпеха и кивнул в сторону пожилого араба с морщинистым лицом. – И его освободи.

Сержант покорно отстегнул цепочки и наручники, оставив лишь видимость того, что они надеты. Оглянувшись на дверь, из-за которой вот-вот должен был появиться другой морпех, он попятился к своему месту.

– Стой, где стоишь, – угрожающий шепот бывшего полевого командира заставил охранника вздрогнуть и замереть на месте. Таким же шепотом прозвучал короткий приказ на арабском языке. Араб у противоположного борта с готовностью мотнул плешивой макушкой. Решения принимались с молниеносной быстротой, как это и было свойственно Черному Тигру. И хотя он печенкой чувствовал какой-то подвох, выбирать было не из чего. Вернее, выбор был. Либо всю оставшуюся жизнь проторчать в американских тюрьмах, возможно, угодив под конец на электрический стул или в газовую камеру, либо, согласившись на предложенную кем-то игру, спутать все карты и использовать ситуацию исключительно в своих интересах.

Риск, конечно, был огромным: ведь он не знал ни того, кто все это затеял, ни того, что из этого должно получиться. Но ведь и американцы не знали, что риск – это его второе имя, вернее – третье.

– ...Мы вот здесь сейчас, – второй пилот ткнул пальцем в яркий маленький значок на экране прибора GPS, обозначавший самолет. – Скоро будем на месте. Сдадите своих кровопийц и насильников – и на пляж, к девчонкам!

Джейкоб Рассел понимающе промычал в ответ и снова взглянул на часы. Прошло уже больше пяти минут. Его напарник должен был успеть сделать все как надо. Похлопав летчика по плечу в знак благодарности за рассказ, он повернулся к двери. Отточенным движением отсоединил магазин от винтовки, достал из него два патрона и заменил их на вынутые из нагрудного кармана. Внешне они ничем не отличались, просто были несколько испорченными варкой в кипятке и при всем желании не могли сработать.

Сунув магазин на место, он поставил винтовку на предохранитель. Со своей «береттой» поступил так же. Все это заняло считанные секунды, а спасти могло целую жизнь: за время передергивания затвора человек, возможно, передумает стрелять. Или ему помешают. Даже если удастся выиграть всего пару мгновений – все равно хорошо. Хотя особо надеяться на это не стоило.

Вздыхнув, он открыл дверь в грузопассажирский салон. С делано-равнодушным видом оценил обстановку: ничего особенно не изменилось. Вот только сержант уже не дремал, а стоял напротив пожилого араба, сверля его ненавидящими глазами. Тот отвечал ему взаимностью с не меньшим энтузиазмом. Казалось, окажись в руках у негра автомат, который почему-то мирно стоял у сиденья, арабу пришлось бы прощаться с этим светом. Шагнув за переборку, Джейкоб затворил за собой дверь и насмешливо протянул:

– Он что, обозвал тебя маменькиным сынком?

Сержант резко обернулся на его голос. В тот же самый миг араб молниеносным движением выпрямил ногу. Сверкнули слетевшие с щиколоток цепи. Удар в пах согнул негра пополам. Скрючившись, тот мешком рухнул на пол. Нимало не удивившись такому обороту событий, Джейкоб в один прыжок оказался рядом с освободившимся пленником, заноса автомат для удара прикладом. Но завершить начатое движение не успел. Оттолкнувшись двумя ногами от пола, на него с гортанным рычанием кинулся сам Черный Тигр. Схватив правой рукой за ствол отведенной для удара автоматической винтовки, средними суставами согнутых пальцев левой руки он нанес точный удар в гортань морскому пехотинцу. Тот замер, словно налетев с размаху на невидимую стену. Глаза американца расширились от удивления и боли, а потом разом погасли. Сознание покинуло его. Из горла вместо дыхания послышались булькающие хрипы.

Притянув к себе «М-16», Мохаммед подсечкой свалил его на пол.

Второй пленник в это время уже выхватывал пистолет из кобуры сержанта, свернувшегося на полу от боли. Главарь привычным движением развернул обмякшего американца лицом вниз и заломил ему руки за спину. Подобрал бывшие свои наручники, лежащие неподалеку, он сковал морпеха и пристегнул к ближайшему креслу. Сдернул с его пояса ремень вместе с кобурой, ножом и фляжкой, удовлетворенно извлек из кобуры «беретту» и бросил ближайшему арабу на колени автоматическую винтовку. После чего последовал отрывистый приказ на арабском: связать охранников, освободить остальных и ждать его команды. Подбравшись к двери, он многозначительным жестом заставил умолкнуть восторженно загудевших было попутчиков и аккуратно отворил ее.

Пилоты, ни о чем не подозревая, продолжали управлять воздушной машиной. Сквозь надетые наушники они не услышали бы шума борьбы даже у себя за спиной. Террорист не раздумывая ударил рукоятью пистолета в затылок второму пилоту, сидевшему справа. Потеряв сознание, тот завалился на приборную доску, резко подав вперед штурвал. Самолет чутко отреагировал на это, клюнув носом и заставив первого пилота изо всех сил потянуть штурвал обеими руками на себя. Что было крайне затруднительно, учитывая грубо вдавленный чуть пониже уха ствол пистолета и бешеное рычание араба:

– Сажай самолет, слышишь?! Я сказал, сажай свой долбаный самолет прямо здесь! И не вздумай фокусы выкидывать! – пистолет еще сильнее уперся в шею летчика. – А то мне придется сделать в твоей башке здоровенную дырку и любоваться через нее твоими мозгами!

Наступившая вместе с последним чиханием выключенных моторов тишина непривычно гудела в ушах. Гидроплан мерно покачивался на невысокой волне, которая тихо плескала, ударяясь о поплавки. Бывшие пленники деловито сновали по небольшому самолету в поисках оружия и припасов, переворачивая все вверх дном. Две трофейные винтовки «М-16», четыре пистолета, включая личное оружие пилотов, ракетница с коробкой ракет, ножи морских пехотинцев – вот и весь арсенал, которым удалось завладеть.

Мохаммед распределил оружие среди своих подручных, выставил что-то вроде дозора и стал допрашивать новоиспеченных пленников. Картина складывалась не очень радужная. Далеко на этой посудине не улетишь – топлива в баках осталось миль на триста максимум. Оружия на борту мало. По словам пилотов, скоро самолет начнут искать – гидроплан ведь пропал с экранов радаров, не выходит на связь в положенное время. И, что самое скверное, где-то недалеко торчит катер береговой охраны США. А в сложившейся ситуации тягаться с хорошо вооруженным кораблем было глупо и бесперспективно. Оставался единственный выход – использовать американцев в качестве живого щита.

Солдаты, в одночасье превратившиеся в заложников, хмуро сидели на полу, скованные наручниками. На их лицах багровели следы допроса. Подойдя к ним поближе, главарь остановился напротив негра. Тот заискивающими глазами посмотрел на своего бывшего заключен-

ного и тут же отвел их, не выдержав ледяного фанатичного взгляда. Мохаммед неспешно схватил его за шиворот и выволок на середину прохода.

– Предавший своих предаст и нас! – как приговор прозвучало в притихшем салоне. В руках араба появились четки и обвились вокруг шеи сержанта. Тот попытался рвануться и закричать, но, придавленный весом террориста, только захрипел и задергался в предсмертных судорогах.

Второй из американских морпехов попробовал вскочить на ноги, но, получив профессиональный тычок стволом автомата в солнечное сплетение, снова упал на пол. Лицо пилота было бледным как мел.

С явным наслаждением убедившись, что жизнь окончательно оставила тело бывшего надзирателя, Мохаммед выпрямился, сжав в кулаке четки.

– Так будет с каждым, кто предаст меня! Смерть неверным!

Над водой эхом разнеслись разноголосые торжествующие вопли террористов:

– Смерть неверным!! Аллах акбар!!!

Глава 10

Куба, Гавана, пляж «для белых людей»

Вечер – самое удобное время отдохнуть на пляже. Полуденный зной уже позади, морская вода великолепна. Настроение еще лучше. Збруйков полулежал в шезлонге, стараясь уловить всю прелесть момента. В голове крутилась расслабляющая мелодия, он даже и не пытался вспомнить, что это за песенка. Такое бывало в те моменты, когда все дела шли как нельзя лучше. А они и вправду продвигались просто замечательно! Совсем недавно связывался с сухогрузом – все идет, как и планировалось, никаких казусов. Лоцман ведет себя правильно. Павлов глаз с него не спускает. Единственная ложка дегтя в громадной бочке превосходного настроения – радиомаяк, обнаруженный Полундрой. Да провались он пропадом, этот маяк! Может, кубинцы просто хотят проконтролировать выход судна из территориальных вод? Нечего забивать себе голову. Все равно больше уже ничего не придумаешь, чтобы обезопасить груз.

Из тех возможностей, что ему предоставили, он вылепил довольно неплохую операцию и сейчас даже гордился этим. Почему нет? Ведь могли отправить груз самолетами. На худой конец – пригнать пару эсминцев для пушей важности. Так нет же! Нет денег. Следовательно, разбирайтесь, Виталий Иванович, как хотите! И он разобрался, как и всегда.

Осталась самая малость – через несколько часов сухогруз выйдет в нейтральные воды, затем возьмет курс домой. Там его должны встретить корабли Северного флота. Но это уже будут не его, Збруйкова, заботы.

Улыбаясь своим мыслям, он окинул взором окружающий пляж. Народу много, туристы приезжают сюда за новыми впечатлениями, оставляя здесь бешеное по кубинским меркам количество денег. Львиная доля валютных поступлений Кубы складывается за счет туризма. Местные власти очень заботятся о привлекательности своих мест отдыха. Потому и не встретишь на этом и подобных ему пляжах простых кубинцев. Их сюда попросту не пускает милиция, стоящая в оцеплении вокруг всего пляжа. Здесь отдыхают лишь те, кто способен за это платить.

Мимо русского атташе протопал местный мальчишка-мулат, предлагающий за вполне сносную цену прекрасный кубинский ром. Несмотря на жару, он был вполне одет и выглядел довольно опрятно, что давало ему возможность работать на этом пляже. В разные стороны от лежака, на котором растянулся Збруйков, тянулись ровные ряды шезлонгов, на которых расположились под зонтиками разномастные отдыхающие. Кто-то поодаль играл в пляжный волейбол, кто-то просто приятно общался с соседями. Многие женщины, уловив здешнюю раскованность, загорали топлес, что особенно радовало глаз Збруйкова, истинного ценителя женской красоты.

Внимание атташе привлекла стройная мулатка, недавно занявшая одно из мест неподалеку. Девушка была необыкновенно хороша собой. Густые черные как смоль волосы рассыпались по гладким светло-шоколадным плечам. Нежная кожа, смазанная тончайшим слоем крема от загара, матово блестела на солнце. Но больше всего приковывала к себе внимание ее потрясающая воображение грудь. Едва скрытая лоскутами купальника, она будоражила в Збруйкове все его мужские начала, вызывая самые нескромные желания. Симпатичная мулатка обладала неожиданно тонкими, почти европейскими чертами лица. Время от времени она улыбалась изумительно томной улыбкой, игриво кивая пришедшему вместе с ней мужчине кубинской наружности.

Тип, к которому у атташе сразу возникла ревнивая неприязнь, постоянно скалился, демонстрируя успехи своего стоматолога, и что-то нашептывал красавице на ушко. Что интересно: переставая ненадолго общаться со своей спутницей, этот кубинский «мачо» постоянно

пялился в его, Збруйкова, сторону. А может, это ему только казалось – за широченными стеклами солнцезащитных очков нельзя было рассмотреть не только глаза кубинца, тут и лица-то толком не увидишь.

Виталий Иванович на секунду отвлекся, повернув голову в сторону цветистых попугаев, которые чего-то не поделили на соседней пальме и громко ссорились друг с другом на своем птичьем языке. А когда повернулся снова к объекту своего вожеления, с удовлетворением обнаружил, что настырный кубинец оставил красавицу мулатку одну.

«Хватит мечтать, – мысленно приказал он себе, – а то окружающие скоро будут с недоумением поглядывать на твои плавки, Виталик».

Но воплотить в жизнь свой же приказ ему было не суждено. Оглядевшись по сторонам, мулатка грациозно прогнулась и развязала завязку купальника на спине. Изящным и неторопливым движением, словно делая окружающим ее мужчинам подарок, она избавилась от кусочков ткани, скрывавших ее грудь. Несмотря на немалое количество женщин, загорающих рядом в таком же виде, это ее действие не осталось незамеченным. Какой-то смельчак-турист, присвистнув от восторга, попытался завязать с обладательницей таких прелестей нежную беседу. Но, к нескрываемой радости атташе, был вежливо отшит.

Дальше – больше. Мулатка извлекла из пляжной сумочки флакон, налила в ладонь прозрачную густую жидкость и принялась наносить ее на свою грудь. Ее тонкие пальцы медленными круговыми движениями скользили по крупным упругим полушариям. Это было уже слишком для воспаленного воображения русского дипломата. Он облизал внезапно пересохшие губы и вдруг заметил, что мулатка безо всякой тени осуждения или смущения смотрит прямо на него. Мало того, она еще и приветливо улыбается.

Выдавив ответную улыбку, он отвел взгляд, стараясь сохранять достоинство, – не мальчишка ведь уже. Раскрыв газету, попытался отвлечь себя чтением, но перед глазами все равно маячила желанная умопомрачительная грудь мулатки.

– Как поживаете, мистер?

Немного низкий и необычайно женственный голос с откровенным оттенком страсти и соблазна, прозвучавший рядом с ним, чуть было не заставил его вздрогнуть. В висках неистовыми барабанами забила кровь. Только благодаря многолетней дипломатической практике не утратив внешнего спокойствия, Збруйков поднял глаза поверх газеты. Прямо перед его носом, на расстоянии не больше метра, кокетливо накручивая угольного цвета локон на пальчик, стояла та самая красotka. Отложив газету, атташе засветился самой располагающей улыбкой, на какую был способен. Девушка приветствовала его на английском, но своим тренированным ухом он сразу почувствовал, что это не родной для нее язык.

– Добрый вечер, прекрасная незнакомка!

Стрельнув в него глазами из-под длинных пушистых ресниц, она улыбнулась в ответ и продолжила начатую беседу:

– Вы позволите занять шезлонг рядом с вами?

– Буду несказанно счастлив, если вы это сделаете!

Мулатка небрежно уронила на лежак свое полотенце и присела на его край, поближе к мужчине, поедающему ее глазами.

– Вы ведь американец, верно? – Ее милое личико приняло заинтересованное выражение.

– Почему вы так решили? – обиженно загудел Збруйков. – Я – русский.

Этот ответ произвел на красавицу неожиданное действие. Она восхищенно захлопала ресницами.

– Не может быть! Вива Россия! Вива Путин! Вива Фидель! О, мне столько рассказывали о русских мужчинах, но у меня до сих пор не было ни одного знакомого из России! Такая удача для меня!

От избытка чувств мулатка схватила его за руку. Ее пальчики приятно охладили кожу. Атташе, не сводя с нее замороженных глаз, жестом поманил разносчика напитков – страшно захотелось промочить горло.

– И что же вам рассказывали о русских мужчинах, если это, конечно, не секрет?

Девушка тряхнула головой, откинув назад упавший на гладкий высокий лоб локон.

– Много чего! Например, говорили, что русские мужчины могут пить неразбавленный ром и текилу целыми бутылками!

– Ну, это несомненное преувеличение, всего лишь стаканами, – засмеялся Виталий Иванович. В это время подоспел мальчишка, торгующий ромом. Заказав себе две двойных порции и угостив собеседницу коктейлем, он неспешно, демонстративно осушил свою выпивку под восторженные возгласы красотки.

– Я знала, что вы меня не разочаруете! – ее цепкие пальцы снова горячо сжали его ладонь. – Кстати, меня зовут Мария.

Опрокинутый залпом ром горячим облаком растекался по телу. Напряжение сняло как рукой. Виталий Иванович, осмелев, взял ее прохладную ладонку обеими руками, еще раз отметив невероятную гладкость кожи.

– Простите меня, Мария, я не представился! – театрально воскликнул он. – Меня зовут Виталий.

– Ви-та-ли! – по слогам повторила мулатка и засмеялась, заставив сердце русского дипломата забиться с удвоенной силой. – Какое восхитительное имя!

Ром постепенно добирался до головы. Учитывая пару порций алкоголя, принятых незадолго до неожиданного знакомства, в этом не было ничего удивительного. Но разгоряченному общением с соблазнительной девчонкой Збруйкову казалось, что это легкое головокружение вызвано только тончайшим розовым ароматом, исходившим от красавицы. В который раз пройдясь взором по миниатюрным пальчикам ног, тонким щиколоткам, поднявшись по гладким, словно выточенным из мрамора ножкам, по откровенным бикини, плоскому животу, чуть задержавшись на волнующе вздымавшейся груди, он провалился в темную бездну ее глаз.

Почувствовав, как медленно наливается горячей тяжестью низ живота, Збруйков решил, что пора освежиться в море. Словно угадав его мысли, новая знакомая по-кошачьи плавно поднялась с места и потянула его за собой к воде.

– Знаешь, что мне говорили еще? – Она взяла его под руку и прижалась своей обнаженной грудью к его плечу. – Что русские очень хорошо плавают. Это правда? Мне очень нравятся хорошие пловцы. Есть женская примета: если мужчина хорошо держится на воде, то он хорош и в постели.

Ее глазки испытующе и лукаво смотрели на атташе.

– Я был чемпионом университета по плаванию, – сплутовал он.

– Неужели?! – она недоверчиво скривила чувственные губки. – Многие так говорили, а на деле не могли доплыть дальше вон того буйка.

Мария указала на один из ярко-оранжевых буйков, ограничивающих площадь для купания. Кровь, подогреваемая страстью, самолюбием и ромом, закипела в его жилах.

– Спорим, ради тебя я проплыву хоть километр?

– Километр? – удивилась она. – Идет. Если ты проиграешь, то купишь мне еще один коктейль!

– А если выиграю?

– Ну-у! Если ты выиграешь, – томно протянула она, – я согласна выполнить твоё желание.

– Какое? – хрипло спросил он.

Девушка обхватила его голову ладонями и приблизилась к его лицу. Ее ласковые губы, едва касаясь, защекотали его ухо.

– Лю-бо-е, – прошептала она.

Збруйков проплыл уже больше сотни метров, рядом не было ни одного купальщика, остался позади ограничительный буй, но он не чувствовал ни капли усталости. Повернувшись на спину и продолжая грести руками, он отыскал глазами свою оборожительную нимфу. Мария стояла на берегу, такая свежая и восхитительно прекрасная, и махала ему ладошкой.

Виталий Иванович остановился, выставил из воды руку и ответил ей тем же. Морская вода приятно холодила разгоряченный организм, и Збруйкову казалось, что он может еще плыть и плыть. Но пора было возвращаться и получить обещанную награду. От этой мысли его снова бросило в жар, в голове замелькали нескромные фантазии, и он не заметил, как сидящий на невысокой вышке спасатель вдруг подскочил на месте и стал что-то кричать в мегафон.

Громадный катер на бешеной скорости мчался прямо на ничего не подозревающего атташе. Могучий удар смял его тело, раскатал по металлическому днищу и бросил под стремительно вращающийся винт. Бесчувственная сталь рванула на куски человеческую плоть и вышвырнула ее в пенистые буруны, расходящиеся в разные стороны за кормой. На зыбких волнах постепенно таяли клочья окровавленной пены, расплываясь в большое красное пятно на лазурной воде.

Толпа зевак испуганно поглядывала на черный полураскрытый мешок из прорезиненной ткани, в который водолазы аккуратно сложили извлеченные из воды останки. Пожилой кубинец в медицинском халате и перчатках деловито осматривал то, что совсем недавно было живым человеком. Чуть поодаль снимали гидрокостюмы и сворачивали свое оборудование водолазы-спасатели. Рядом, одетые в форму, с кислым выражением на лицах, стояли следователи. Среди них выделялся человек в штатском, приехавший на отдельной машине. Он молчаливо наблюдал за происходящим.

К следователям подошел патрульный с ворохом одежды. Нерешительно потоптавшись на месте, он выложил принесенные вещи на разостланный на песке брезентовый тент.

– Вот все, что было при нем, – он протянул старшему документы на имя Збруйкова Виталия Ивановича, военно-морского атташе России. – Свидетели толком ничего не видели, говорят, что он изрядно накачался ромом. Это или дело рук врагов социализма, или местных хулиганов. Катер ищем. А вообще, он сам виноват – заплыл за буйки, да еще был пьян.

– Не отбирай наш хлеб, дружище! Оставь нам, чем занять свои мозги, хорошо? – старший следователь похлопал его по плечу. – Разберемся.

Он подошел к закончившему осмотр медику и попросил его еще раз показать то, что осталось от лица дипломата. Наклонившись над мешком, долго изучал, сравнивая с фото на документах. Толпа зевак тихо и напряженно загудела, издали пытаясь разглядеть хоть что-нибудь. Сдвинув брови, следователь махнул рукой доктору, мол, закрывай, хватит устраивать цирк. Затем направился к человеку в штатском, показал ему служебное удостоверение атташе. Не глянув на фотографию, тот кивнул в сторону мешка с телом.

– Это точно он?

– Он. Я проверил. Опознать его, конечно, сейчас трудно, но свидетели говорят то же самое. Думаю, здесь налицо потеря бдительности. Будем считать, что это самый обычный несчастный случай. Перебрал лишку, разморило на солнце, полез купаться, заплыл за буйки и нечаянно угодил под катер.

– Правильно мыслите, наверняка так оно и было, – человек в штатском закурил. – И ребята на катере, скорее всего, его просто не заметили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.